

Николай Надеждин

Эдит Пиаф

ЭДИТ
ПИАФ

СЕКРЕТ УСПЕХА

Вступление

Диск с ее песнями в числе любимых. Это, конечно, музыка не на каждый день. Это музыка под настроение... Но вот – тишина. И из нее выплывает, сотрясая душу, волнующий низкий голос: «Падам, падам, падам»... И на глаза наворачиваются нечаянные слезы, хотя уже и не вспомнишь, когда в последний раз плакал. Но ведь это Пиаф. Ее песни мимо сердца не пропустишь. Ибо даже не песни это. Это – сама любовь.

Бывают женщины очаровательные, бывают ослепительно эффектные. Но бывают такие, от которых невозможно оторвать взгляда. Если внимательно присмотреться, то окажется, что они не так уж и красивы. Хотя это не имеет никакого значения. Рядом с ними блекнут самые яркие дивы. Пиаф – именно из этой редчайшей породы женщин необыкновенной, лучащейся красоты. Стоит лишь ей запеть. Только – запеть.

Без ее голоса трудно жить. И это действительно так. Не слушал месяцами и даже годами. И вдруг... А потом думаешь – как же ты, абсолютно русский человек, обходился без ее песен на этом загадочном и безумно красивом французском языке? Как?!

1. Только для него

Октябрьским вечером 1949 года за кулисами сцены нью-йоркского концертного зала «Версаль» нервно прохаживалась маленькая женщина. Выражение ее лица было напряженным. Там, за занавесом, ее ожидали сотни людей. Они пришли послушать сильный хриловатый голос великой французской певицы Эдит Пиаф...

В этот момент кто-то осторожно прикоснулся к ее плечу. Пиаф обернулась. Перед ней стояла Андреа Бигар, ее секретарша. Эдит покачнулась, словно от внезапного удара.

– Что случилось? – произнесла Эдит охрипшим, чужим голосом.

Она знала – что-то случилось. Страшное и непоправимое. Она почувствовала это.

Андреа молча протянула смятый телеграфный бланк.

– Марсель? Да? – спросила Эдит. – Я знаю, это Марсель...

– Да, мадам, – сказал Андреа. – Мсье Сердана опознали по... часам...

Пиаф бессильно опустилась на пол.

– Врача! Господи, врача!

– Нет. Не надо, – произнесла она. – Они ждут...

Когда Эдит бережно вывели на сцену, зал притих.

– Я буду петь, – негромко сказала она и подняла глаза.

Зрители замерли. Люди, сидящие в первых рядах, видели, как по щекам Пиаф струились слезы.

– Я буду петь в честь Марселя Сердана. Только ради него.

И – запела свой потрясающий, щемящий душу «Гимн любви».

На сцене Эдит Пиаф.

2. Дом, в котором не поселилось счастье

Марсель Сердан погиб 27 октября 1949 года, торопясь к ней – к Эдит Пиаф.

Незадолго до этого он проиграл чемпионский титул в среднем боксерском весе новому чемпиону Ла Мотте. Пиаф тогда решила – хватит. Все несчастья приносит ее старая квартира на бульваре Ланн. И купила дом в Булонском лесу. Да не просто дом, а огромный роскошный особняк.

В этом особняке они и виделись в последний раз. Марсель, знавший и покорно терпевший главный недостаток Эдит – отсутствие вкуса, не вмешивался в обустройство нового гнездышка. Он боготворил все, к чему прикасались ее руки, даже если это была яркая гавайская рубашка, которую не пристало носить чемпиону мира по боксу.

Перед проигранным матчем-реваншем с Ла Моттой он отправился в благотворительное турне по Франции. Деньги от показательных поединков Сердан перечислял в фонд вышедших в тираж боксеров.

А Эдит полетела на гастроли в Америку. В конце октября они должны были встретиться.

Марсель собирался взять билет на пароход. Пять дней по Атлантике – и они снова вместе. Но Эдит, услышав об этом по телефону от самого Сердана, расплакалась. Она так соскучилась... Ждать еще пять дней – это невыносимо! А может, и не пять, а все семь.

– Ты меня не любишь! – в сердцах выкрикнула она и бросила трубку.

Сердан тут же заказал билет на ближайший авиарейс в Америку.

Дом, где прошло детство Пиаф.

3. Его убила я

В холле толпились репортеры. Должна же Пиаф сказать хоть что-то о гибели своего любовника? Или все-таки... мужа?

Вокруг отношений Пиаф и Сердана роилось множество сплетен. Все разом прекратилось после знаменитой пресс-конференции, на которой Сердан громогласно заявил:

– Эдит Пиаф моя любовница. И любовница только потому, что я – женат.

После его слов наступила звенящая тишина. Затем репортеры... заплодировали! А вечером Эдит принесли корзину цветов с запиской: «Женщине, которую любят больше всего на свете – от джентльменов»...

Волнение газетчиков нарастало. Наконец, из квартиры на четвертом этаже, где жила Пиаф, спустилась секретарь – миниатюрная женщина средних лет по имени Андреа Бигар.

Она приблизилась к репортерам, минуту помедлила и устало сказала:

– Вы, мадам, и вы, месье – потрудитесь подняться наверх. Остальных попрошу соблюдать тишину. Вы должны понять, Эдит Пиаф сейчас очень плохо.

Поднимаясь по лестнице, пожилой репортер из «Нью-Йорк Таймс» тихонько спросил:

– Как она?

И Андреа, не оборачиваясь, так же тихо произнесла:

– Она во всем винит себя...

И старый газетчик тут же вспомнил историю двенадцатилетней давности, когда был застрелен первый импресарио Пиаф – Луи Лепле. Тогда на маленькую Эдит ополчились все парижские газеты, считая, что пистолет держала именно ее рука.

Эдит Пиаф, Марсель

Сердан и Матильда Ней в аэропорту Франции. 1948 год.

4. Бог наказывает не тех

– Как вас зовут?

– Дюваль. Патрик Дюваль. А это Джоан Линкси, моя коллега.

– Вы француз, мсье Дюваль?

– Да, мэ. Но родился уже здесь. В Америку эмигрировали мои родители.

– Тогда, мсье, вы должны понять меня лучше, чем другие... Эдит Пиаф – гордость Франции. Если хотите – ее лицо, ее совесть. Но она еще и женщина.

– Я понимаю, мэ...

– Ваши расспросы ранят ее. Она на грани. Я знаю, что вы напишите в завтрашних газетах. И что бы вы ни написали, все это может загнать Эдит в могилу.

Андреа закрыла глаза. Она еле сдерживала слезы, но про себя решила – надо быть сильной. Нельзя показывать свое горе этим людям.

– Эдит очень болезненно переживает любые сплетни, которые плодятся, словно тараканы. Вы должны быть милосердны.

– Но позвольте, мадам, – вступила в разговор молодая спутница Дюваля. – Эдит Пиаф публичная фигура. И народ Америки вправе знать все, что с ней происходит...

Марсель и Эдит.

– Простите мою коллегу. Джоан очень молода и, как я вижу, совершенно глупа.

Журналистка удивленно вскинула брови и уставилась на старого репортера. Но Патрик Дюваль не обращал на нее никакого внимания.

– Мы пришли вовсе не за сенсационными признаниями. Нам ничего от вас не нужно, мэ. Просто передайте Эдит, что мы ее любим.

Когда репортеры спустились в холл, Дюваль обвел собравшихся тяжелым взглядом. И сдавленным голосом произнес:

– Бог наказывает не тех...

5. Держись, Эдит!

После полудня позвонил Монтан. Трубку сняла Андреа, но тут же передала Эдит.

– Это Ив, – сказала она.

Пиаф взяла трубку. В ее голове стоял тяжелый свинцовый туман.

– Эдит, девочка моя, – произнес Монтан. – Держись...

И не выдержал, заплакал...

Когда-то она любила молодого Монтана так, как никого до него...

Они познакомились в оккупированном немцами Париже. Это было во время концерта. В первых рядах сидели немецкие офицеры в черной форме. Но Ив пел не для них. Он пел для галерки, где устроились его соотечественники.

Шла война, но парижане уже знали – скоро все закончится. И песни юного Монтана обещали свободу, весну и любовь. И люди слушали эти песни. И их измученные сердца ликовали.

После концерта в гримерной его ждала женщина. Монтан не поверил своим глазам – это была Эдит Пиаф. Монтан растерялся.

– Очень приятно, – беспомощно пролепетал он и, протянув руку, представился: – Иво Ливи.

– Ливи? – засмеялась Эдит. – Нет, ты – Монтан.

Он тоже рассмеялся – над своей внезапной стеснительностью.

– Ты не хочешь выпить, Ив? Я приглашаю.

– О, Эдит... А почему я?

Монтан произнес это совершенно неожиданно для самого себя.

И она ответила:

– Разве я не сказала? Потому что ты мне нравишься...

А потом обняла его и поцеловала в губы.

Эдит Пиаф всегда была истинной француженкой, которая знает, что такое любовь.

6. Жить и не сдаваться

Она расположилась в салоне самолета у самого иллюминатора и невидящими глазами смотрела на проплывающие внизу облака. Ей было все равно, что с ней происходит. За последнюю неделю Эдит почти ничего не ела, только пила апельсиновый сок. Удивительно, но в этой стране все просто свихнулись на апельсиновом соке. Впрочем... какая разница?

– Эдит, так нельзя, – сказала Андреа и сжала узкую, почти прозрачную ладонь Пиаф своими пальцами.

У Андреа Бигар были крепкие руки французской крестьянки.

– Что – нельзя?

Перед собой Эдит видела не лицо, а расплывшееся светлое пятно. Она вдруг пожалела, что не ослепла в детстве. Тогда бы она не увидела Марсея. И, наверное, не влюбилась бы. И сейчас ей было бы все равно, что с ним стало... А что с ним стало? Боже, боже...

И Пиаф зарыдала. Она бессильно уронила голову на плечо секретарши. Худенькое тело сотрясали безутешные, отчаянные рыдания.

– Поплачь, поплачь, маленькая Эдит. Тебе обязательно станет легче, – шептала Андреа и гладила Эдит по голове. – Все проходит. Пройдет и это.

Собственные слезы Андреа старалась сдерживать.

– Стюард, – сказала она твердым голосом. – Принесите чего-нибудь выпить. Не видите – Эдит Пиаф плохо.

– Я не сдамся! – с отчаянием сказала Пиаф и залпом осушила стакан виски. – Слышишь? Ни за что!

Но все это будет только в будущем, а пока...

Поет Пиаф.

7. Рождение звезды

– Ажан, Ажан! Господи, скорей сюда!

– Что такое? Святые угодники... Да она рождает!

Здоровенный полицейский, шумно пыхтя и грязно ругаясь, бежал по тротуару на крики тучной домохозяйки, лицо которой дрожало от возмущения. Для возмущения был повод – прямо на парижской улице, чуть в стороне от редких пешеходов, под дождем лежала женщина и... рожала.

Когда полицейский, красный от напряжения, как помидор, подбежал, все уже закончилось. Измученная родами женщина заворачивала в тряпки орущее дитя. Пуповину она перерезала сама. А когда полицейский, размахивая руками, принялся отчитывать ее, она спокойно повернулась к нему и спросила:

– Ты считаешь, что я не должна была рожать на улице? Хорошо, в следующий раз попрошу разрешения именно у тебя...

– Ладно, ладно, – ответил второй полицейский, подоспевший на звук свистка первого. – Мы же не звери какие, понимаем... Кто у тебя?

– Дочка, – ответила женщина.

Эдит Пиаф. 1936 год.

– Дочка? И как назовешь?

Женщина с минуту подумала, а потом сказала:

– Эдит... Да, точно – Эдит Джованна!

Так появилась на свет Эдит Джованна Гасьон – будущая великая певица Эдит Пиаф. Это произошло 19 декабря 1915 года.

Женщину, родившую крошку Эдит на парижском бульваре, звали Анетт Майар. Нищая циркачка, выступавшая на улицах перед прохожими вместе со своим мужем, акробатом Луи Гасьоном. Через пять минут после появления на свет маленькой Эдит объявился незадачливый отец. Он ловил такси, чтобы отвезти супругу в родильный дом...

8. Жила как воробышек

Лица матери Эдит не запомнила. Анетт подбросила ее своим родителям вскоре после родов и исчезла. Молодой отец Луи после недолгих размышлений отправился на призывной пункт. Он ушел на фронт защищать Францию...

Первые два года жизни маленькая Эдит провела в доме дедушки и бабушки. Пожилые супруги Майар были глубоко пьющими людьми. Они жили в непроглядном алкогольном тумане и искренне считали, что другой жизни и быть не может. Внучку они кормили хлебным мякишем, вымоченном в красном вине. Изредка это месиво они сдабривали молоком. Дети же не могут без молока? Значит, они поступали правильно...

У Эдит не было нормальной одежды – только старое тряпье, которое бабушка приспособливала для малышки, перешивая свои юбки в платьица и штанишки.

В доме не было умывальника и хотя бы кусочка мыла. Супруги Майар полагали, что грязи не выдержит ни один болезнетворный микроорганизм, и попросту не мыли девочку.

Когда отец Эдит Луи Гасьон приехал с фронта в отпуск, он не мог без отвращения обнять свою дочь – до того она была запущена и не мыта... Но все же девочка выжила. И во многом благодаря заботе стариков-алкоголиков, которые ее, по крайней мере, кормили.

В том же 1917 году двухлетняя Эдит навсегда покинула дом деда и бабки Майар. Отец увез ее в Нормандию – к другой бабушке, Луизе Гасьон. Отныне Эдит жила в... публичном доме, где бабушка Луиза служила кухаркой. А отец Луи снова отправился на фронт защищать интересы Франции.

Эдит Пиаф в молодости.

9. Бабушка Луиза

Какое ужасное место для ребенка – публичный дом... А Эдит Пиаф на всю жизнь сохранила добрые воспоминания и о том месте, где провела раннее детство, и о женщинах, нянчивших и баловавших ее, и о добрейшей бабушке Луизе.

Для пожилой женщины, прошедшей все круги ада уличной *censored*тки, крошка Эдит была светлым ангелом, за заботу о котором ей простят все грехи (которые, впрочем, она не вполне считала грехами – каждый в этом мире кормится тем, что может добыть).

Первое, что сделала бабушка, заполучив внучку – отмыла ее от двухлетней грязи. Тряпье было немедленно выброшено. Маленькую Эдит одели в кружевное воздушное платьице. Как же она была хороша в новом наряде! Кудрявая, темноволосая, с озорными живыми глазками...

Луиза присела, раскинула руки и позвала внучку:

– Эдит, крошка моя, иди ко мне. Иди, моя маленькая, бабушка тебя поцелует...

Эдит улыбнулась и на пухлых ножках затопала... в обратном направлении! Личико девочки светилось. Она готова была упасть в бабушкины объятия.

Луиза встревожилась и позвала еще раз. Девочка повернулась и потопала в другом направлении, но тоже в сторону, не к бабушке.

– О, господи праведный! Да она же слепая, – ахнула бабушка Луиза.

А маленькая Эдит только улыбалась и продолжала игру в прятки, даже не подозревая, что глазки нужны девочкам не только для того, чтобы лить слезы...

Когда слушаешь песни Пиаф,
на глаза невольно наворачиваются слезы.

10. Детство в публичном доме

И у всемирно известной певицы, у богатой, успешной женщины Эдит Пиаф не было и тени презрения к жрицам любви. Напротив, она никогда не забывала, откуда родом сама...

Однажды Пиаф в сопровождении Андреа Бигар попали на улицу, которую обычно называют «улицей красных фонарей». Произошло это случайно, прямо перед концертом на рабочей окраине Парижа. Пиаф осмотрелась, задумалась и вдруг сказала:

– Хорошее место. Столько окон... Женщине с умом здесь можно очень неплохо заработать.

Бигар от удивления потеряла дар речи.

Пиаф всегда легко относилась к продажной любви. Как говорила бабушка Луиза, «шлюхи торгуют лишь своим телом, но не совестью». И Пиаф, наблюдая вблизи известных политиков и государственных деятелей, была с бабушкой согласна. Нищая обездоленная женщина может продать несколько мгновений удовольствия. Но она не продает своего сердца и своей души. И она, в конце концов, никого не обманывает...

*censored*тки относились к маленькой Эдит так, словно бы она была родной дочерью каждой из них. А может и лучше – родная мать все же оставила свою дочку, а эти женщины отдавали ей нерастраченное материнское тепло.

В эти годы, а это длилось около пяти лет, у Эдит были замечательные игрушки.
И она всегда ела досыта.

Кадр из фильма «Жизнь в розовом цвете» об Эдит Пиаф. 2007 год.

11. Невидимый мир

Слепоту внучки бабушка Луиза переживала как личную трагедию. Денег было немного, однако бабушка обошла всех парижских врачей, которым смогла заплатить из своего жалованья. И везде слышала одно и то же – у девочки тяжелейшая катаракта, развившаяся вскоре после рождения. Излечить эту болезнь невозможно. Эдит обречена на слепоту.

Саму девочку это мало заботило. Она не помнила ни лиц людей, ни цветов и оттенков окружающего мира. Она воспринимала жизнь на слух... Не в этом ли секрет ее необыкновенной музыкальности, которая со временем превратит замарашку Эдит Гасьон в великую Пиаф? Кто знает, кто знает...

Луиза носилась со слепой Эдит, как с раненым котенком. И не она одна – слепую девочку искренне, до слез жалели все женщины, работавшие в публичном доме, включая его хозяйку.

Однажды женщины сговорились и отправились в церковь в Лизье – к Святой Терезе. Публичный дом был закрыт на целый день, румяна смыты, а легкомысленные платья заменены целомудренными, почти монашескими одеждами.

Одна из первых фотографий

Эдит. 1917 год.

В храм божий жрицы любви отправились не с пустыми руками. Они передали настоятелю письмо, в котором хозяйка обещала пожертвовать храму десять тысяч франков в случае, если девочка прозреет.

Они молились истово – до самого закрытия церкви. Просили Святую Терезу даровать их маленькой Эдит прозрение. Пусть не сразу, пусть через... скажем, десять дней...

12. Чудо прозрения

Прошло ровно десять дней. 25 августа в день Святого Людовика и, между прочим, в день рождения Луи Гасьона, *censored*тки ждали чуда. С утра маленькую Эдит теребили и не давали ей покоя.

– Эдит, посмотри на меня, маленькая. Что у меня в руках? – с надеждой в голосе звала

бабушка Луиза, протягивая девочке конфету.

Эдит улыбалась и делала удивленное лицо, нащупав конфету руками. Она ничего не видела.

К концу дня женщины успокоились и занялись привычными делами. Бабушка отправилась на кухню готовить угощение для гостей и поздний ужин для своих девочек. Женщины прихорашивались. Ранние посетители покуривали, сидя за столиками, неспешно перелистывая газеты...

И вдруг кто-то из них, мужчина в годах, обратил внимание на то, что маленькая девочка в кружевном платье, которая вечерами разгуливала по дому терпимости и собирала с гостей свою дань – сласти и ласковые слова – стоит возле картины, висящей на стене и... разглядывает ее!

– Да она видит?! – тихо произнес пожилой господин.

Женщины замерли. Разом, как по команде, повернули головы к Эдит. И, спустя мгновенье, заголосили:

– Луиза, бегом сюда! Эдит прозрела!

Что было в тот вечер – не передать. Слезы радости, смех, всеобщее ликование.

А хозяйка публичного дома тут же полезла в тайный шкафчик за деньгами. Она могла обмануть, кого угодно. Но только не Святую Терезу.

Эдит Гасьон школьница.

13. Акробат и уличная певичка

Эдит Гасьон исполнилось семь лет. Осенью 1922 года ее отдали в школу. Проучилась она недолго – едва освоила грамоту. Возмутились родители учеников-первоклашек. Они не хотели видеть рядом со своими детьми воспитанницу публичного дома.

Этими несколькими месяцами, проведенными в начальной школе, образование Эдит

Пиаф и ограничилось. Ее университетами стала сначала парижская улица, а затем – профессиональная сцена...

Зимой вернулся отец. Он отслужил свое и решил заново создать семью. Дочь у него уже была, осталось найти ей новую мать. Точнее, мачеху. И это была очень непростая задача. Эдит обладала упрямым характером и несгибаемой волей. Уже в детские годы в ней угадывалась сильная женщина.

Беззаботные дни под крылышком бабушки Луизы закончились. Отец увез Эдит в Париж. И стали они жить вместе – в убогой каморке в одном из домов для бедных постояльцев. Зарабатывали тоже вдвоем – Луи Гасьон показывал акробатические номера, а его дочь Эдит пела. Мачехи, которых Гасьон время от времени приводил в дом, быстро испарялись. То ли они надоедали самому Луи, то ли не выдерживали напора маленькой Эдит.

Отец и дочь едва сводили концы с концами. При этом Гасьон прилагал все усилия, чтобы выучить дочь чему-то полезному. Он давал ей уроки акробатики и истории Франции, надеясь, что они хотя бы отчасти заменят ей занятия у настоящих учителей.

Эдит – уличная певичка.

14. Я буду жить сама

Из затеи Луи Гасьона не вышло ровным счетом ничего. Он был никудышным преподавателем. Акробатика Эдит не давалась принципиально. Ее номера вызывали у зрителей лишь сочувственную улыбку. А историю Франции, за которую так долго воевал, Луи толком не знал и сам, безбожно путая Бурбонов с Капетингами и своевольно присваивая несуществующие номера всем этим Людовикам и Филиппам...

Прошло еще семь лет. Эдит справила четырнадцатый день рождения. Из маленькой кудрявой девочки она превратилась в юную девушку-подростка. Но была отъявленной грязнулей и замарашкой. Что, впрочем, ее нисколько не заботило.

Однажды она заявила отцу, что больше петь под его акробатические «выверты» не желает. Что ей надоело жить впроголодь. И вообще, она взрослый человек и как-нибудь проживет сама. Отец лишь махнул рукой – иди, куда хочешь. Ты действительно уже взрослая девушка. Станет плохо – дорогу домой найдешь. С тем и расстались...

Эдит устроилась работать молочницей. Рано утром, когда над Парижем только начинало светать, девушка шла в молочную лавку, набивала корзины бутылками с молоком и отправлялась по домам заказчиков. Она катастрофически не высыпалась и, вдобавок, часто колотила бутылки. Долго так продолжаться не могло. И в конце концов Эдит решила, что петь у нее получается лучше.

Эдит (слева) со сводной сестрой Симоной.

Эдит (слева) со сводной

15. Первый мужчина

И снова парижские улицы, и снова песни для прохожих... Поначалу Эдит выступала вместе с двумя друзьями – веселыми пареньками, такими же бесприютными, какой была и она сама. Но дело не сложилось. И вскоре маленький уличный коллектив распался.

Затем Эдит решила, что надо следовать традиции – петь дуэтом, причем исключительно семейным. Так она стала выступать с Симоной, дочерью Луи Гасьона от другого брака. Сводные сестры были дружны и сохранили добрые отношения на многие годы.

В этом нет ничего удивительного – они были очень похожи. Обе совершенно неприхотливы. Обе легко сходились и расходились с мужчинами. Обе хорошо пели. Обе не имели ни малейшего понятия о правилах приличия. Обе одинаково не умели одеваться. Обе совершенно не готовили. И обе не подозревали, что одежду можно стирать, а не выбрасывать по мере ее загрязнения.

На этот раз дело пошло неплохо. Они зарабатывали на двоих около трех сотен франков в день. Этого хватало на дешевые тряпки, номер в третьесортной гостинице на улице Орфила (сестры искренне считали его роскошным) и бутылку столового вина. Питались они консервами, поскольку в их номере не было и намека на плиту, сковороду или хотя бы кофейник.

Удивительно ли, что первый мужчина в жизни Эдит появился, когда ей было всего четырнадцать? Впрочем, имени его она не запомнила.

Так выглядел родной дом

Эдит в 1930-е годы.

16. Первая любовь

Эдит Гасьон легко сходилась с мужчинами и легко их бросала. Она полагала, что лучше оставить мужчину, когда он тебя еще любит, чем дожидаться, пока он прогонит ее сам. И

этим мучила своих поклонников. И притягивала новых, как магнитом...

Первое большое чувство пришло в семнадцать лет. Эдит полюбила паренька по имени Луи Дюпон, служившего рассыльным в продуктовом магазине. В средствах молодые любовники были крайне ограничены, а потому поселились в том же номере, в котором до этого жили Эдит и Симона. Более того, иногда они делили одну постель на троих... Не подумайте плохого (хотя, куда уж хуже?), в то время, как Эдит и Луи любили друг друга, Симона крепко спала, отвернувшись к стене. Так, во всяком случае, спустя годы говорила она сама.

Любовь – это взлет и падение, страсть и охлаждение. Любовь – это испытание на зрелость. А какая уж тут зрелость, в семнадцать-то лет...

Вскоре Эдит поняла, что беременна. Но это никак не отразилось на ее образе жизни. Она по-прежнему выходила на уличную импровизированную сцену, пела вместе с Симоной, зарабатывая свои три сотни. А Луи по-прежнему перебивался с хлеба на воду, зарабатывая копейки в продуктовой лавке.

Через год после их знакомства Эдит родила свою первую и, как оказалось, единственную дочь. Девочку назвали Марсель.

Началась новая жизнь.

Эдит Гасьон в молодости. 1937 год.

17. Эдит и Луи

Они сидели в маленьком уличном кафе и завтракали. Луи макал в чашку кофе, разбавленного молоком, бриош, а Эдит лакомилась шоколадным пирожным, запивая его красным вином.

– Эдит, детка, как ты можешь пить с утра? – простонал Луи, морщась и в смущении потирая лоб.

– А мне хочется именно вина. И потом, оно совсем не крепкое. В этой забегаловке вино разбавляют водой...

– Что значит – хочется? Мало ли чего хочется мне!

– Ты, милый, понятия не имеешь, что такое «хочется» по-настоящему.

– Да ну? – кисло улыбнулся Луи. – И почему же? Чем я хуже тебя, что не могу знать такой ерунды?

– Ты не женщина, милый. Вот забеременеешь сам, узнаешь, – засмеялась Эдит.

– Что? – Луи от неожиданности потерял дар речи.

– Ничего особенного: я беременна... Почему ты побледнел?

– Я побледнел? Ничего подобного... Просто думаю, как нам быть дальше.

Эдит в 1936 году.

– Никак. Что это меняет? – Эдит допила вино и потянулась за сигаретой.

Луи отодвинул мятую пачку. Но потом нерешительно придвинул обратно.

– Что за фокусы? – нахмурилась Эдит.

– Тебе вредно курить, – ответил Луи и неуверенно добавил: – Наверное.

– Я сама знаю, что мне вредно, а что нет. И вообще, Луи, в чем проблема? Да, я беременна. И это вполне объяснимо – после того, как мы с тобой шесть недель занимались любовью трижды в день... Что действительно вредно, так это видеть твое испуганное лицо...

В тот день Луи ушел на работу и не появлялся много дней. Он решил сбежать от Эдит, еще не подозревая, что оставить ее – выше человеческих сил...

18. Я стала... мамой?

Говорят, что великих людей нельзя судить обычным человеческим судом. Им судья – только Бог...

Хорошей ли матерью была молодая Эдит Гасьон? Вряд ли. Она оставляла девочку на попечение мужа и отправлялась на улицу – петь свои песни на пару с Симоной. Если Луи упрявился, дочь брали с собой на улицу.

И тут появился первый ангажемент – Эдит пригласили в дешевое кабаре «Жуан-ле-Пен». Это была ее первая настоящая сцена. Как она могла отказаться?

И Луи вспыхнул. Девочке нужна мать, а не вульгарная певица! Или он, Луи, или это уличное... шутовство!

Эдит выбрала свое ремесло. И Луи была дана решительная отставка. Он собрал нехитрые пожитки и обиженно удалился. Сестры снова стали жить вдвоем. Точнее, втроем – с ними была маленькая Сесель (так девочку называла сама Эдит).

Они часто оставляли малышку одну. А когда возвращались, находили ее безмятежно спящей.

Однажды девочка пропала. Эдит поняла – ее забрал Луи. И поняла, зачем – чтобы вернуть Эдит. Но... надо было знать характер этой юной женщины. Вернуть утраченную любовь? Ты шутишь, малыш? Это невозможно.

Молодой отец отправил девочку к своим родителям, полагая, что там ей будет лучше, чем в гостиничном номере. А материнский инстинкт не подведет – Эдит обязательно вернется к дочери. Значит, и к нему.

Но он ошибался.

Эдит с дочерью.

19. Первая утрата

Катастрофа разразилась в самый неожиданный момент. Да, маленькой Сесель было очень хорошо дома у Дюпонов. Да, о ней заботились, ее обожали. Но... девочка заболела менингитом. И спасения от этого тяжкого недуга не было.

Когда Эдит бросилась к дочери, было поздно. Девочка умирала. Опасную инфекцию подхватила и сама Эдит. Но молодая мать выкарабкалась, а маленькая Сесель – нет...

Будучи уже прославленной певицей, Эдит Пиаф редко вспоминала покойную дочь. Она не считала, что потеряла шанс на семейное счастье. Все же Луи Дюпона она к тому времени уже не любила... Но дочь, ее маленькая дочь умерла... Может, Эдит сама еще была девочкой, не готовой стать настоящей матерью? Но как же велика цена.

Говорят, что единственной простительной ошибкой является ошибка молодости. Эту ошибку Эдит себе не прощала никогда. Но осознание истинных масштабов постигшей ее трагедии пришло значительно позже – когда жизнь уже клонилась к раннему, но неизбежному закату...

большую сцену.

Эдит Пиаф выходит на

20. Прощание с Сесель

Моросил бесконечный, холодный дождь. Эдит стояла у самого края свежевырытой могилы Сесель...

Глаза Эдит оставались сухими. Неожиданно она поймала себя на мысли, что думает совершенно о другом. Ее занимала эта идиотская вчерашняя проблема – что надеть, чтобы соответствовать трагическому моменту похорон? Строгого черного платья у нее не было, как не было вообще ничего, кроме пестренького платьяца, в котором она пела на улице, и смешных стоптанных туфелек. В этом она сюда и пришла, накинув на плечи темно-синюю шаль, которую она на скорую руку соорудила из гостиничной портьеры.

Марго Дюпон, мать Луи и бабушка покойной Сесель, по-своему истолковала поведение Эдит. Она обняла ее, всхлипнула и произнесла:

– Не убивайся, не надо... Поплачь, и тебе станет легче. Боже, какое горе...

Эдит отстранилась. Ее совершенно не трогали слезы этой женщины.

– Мы виноваты, – причитала Марго. – Мы все виноваты – не уберегли...

Кадр из фильма «Жизнь в розовом цвете» об Эдит Пиаф. 2007 год.

Кадр из фильма «Жизнь в

Забормотал священник. Двое рабочих взялись за крышку гроба.

Эдит вздрогнула и... отвернулась.

Гроб опустили в могилу и засыпали землей. Сверху установили простой деревянный крест.

«Как все нелепо, – горестно подумала Эдит. – Ужасно и нелепо».

– Луи скоро подойдет, – сказала Марго Дюпон. – Он где-то задержался, но обязательно подойдет...

– Мне плевать на вашего Луи, – сказала Эдит. – Я вообще не знаю, кто такой Луи. Так ему и скажите.

И она побрела прочь...

21. Я не могу без мужчины!

Сколько же всего в ней было намешано – и равнодушия, и страсти, и сердечности, и черствости, и эгоизма, и сострадания. Эдит, Эдит, кем же ты была? Ангелом или чудовищем? Богиней или ведьмой? Легендой или... земной женщиной?

Не важно – кем. Важно, что была. Рядом с нами. И вместе с нами...

Спустя всего несколько дней после похорон, Эдит уже веселилась в кругу друзей. И это была тоже она. Глубина чувств, осознание непоправимости утраты придет к ней позже – вместе с большой любовью. А пока – пой, пой, волшебница Эдит! У тебя это здорово получается.

Оглядываясь на прошлое, под конец своей бурной жизни Пиаф сама удивлялась собственной непредсказуемости, легкомыслию и непостоянству. Она меняла мужчин с такой легкостью, словно надеялась познать любовь всех, с кем сводила ее судьба. Однажды она сказала сестре Симоне:

– Момон, я просто не могу, когда в доме нет мужчины. Это даже хуже, чем день без солнечного света. Без солнца, в конце концов, можно и обойтись – есть электричество. Но вот дом, в котором не висит где-нибудь мужская рубашка и не разбросаны повсюду грязные носки... это как дом какой-нибудь вдовы – он тебя просто убивает!

В кабаре.

22. Его Величество Шанс

В один из пасмурных октябрьских дней 1935 года по парижской улице Труайон шел хорошо одетый человек, с виду богач или видный чиновник. На перекрестке с авеню Мак-Магона собрались люди. Они слушали уличных артистов. Какая-то девчонка пела под аккордеон. Человек намеревался пройти мимо, но... остановился. Девчонка пела:

«Она родилась, как воробышек,
Она прожила, как воробышек,
Она и помрет, как воробышек!»

Его поразили голос. Сильный, низкий, проникновенный. Перед ним была уличная певичка с голосом, которого он прежде не слышал.

Нахмурившись и сложив руки на груди, он стоял, опустив голову, и – слушал.

Певичка обратила на него внимание. А когда закончила песню и ее подруга отправилась по кругу, собирая со слушателей мелочь, подошла к нему.

– Ты ненормальная, – сказал он прямо, без всякого вступления. – Ты сорвешь голос!

– Должна же я как-то зарабатывать себе на жизнь? – ответила певичка, с улыбкой глядя прямо в глаза этому холеному мсье.

– Должна. Но делать это лучше не на улице, а в каком-нибудь кабаре.

– Но у меня нет контракта!

– Он у тебя будет... Послушай, я – Луи Лепле, хозяин кабаре «Жернис». Приходи в понедельник к четырем часам.

Затем он протянул ей банкноту в пять франков.

– Купи себе чего-нибудь поесть...

С Луи Лепле. 1930-е годы.

23. Кабаре «Жернис»

Эдит и не думала идти в «Жернис». Шутка, глупая шутка прохожего. Какой он хозяин? А вдруг... и правда хозяин? Вдруг он действительно Луи Лепле?

По адресу Пьер-Шаррон 54 она добиралась на метро. И здорово опоздала. К «Жернис» она подбежала, когда часы уже показывали пять. На пороге кабаре ее ждал все тот же холеный господин.

– Опоздание на час, – усмехнулся он. – Хорошенькое начало...

Они вошли в пустой зал кабаре. Эдит никогда раньше не была в «Жернис». Сюда бы ее, уличную замарашку, никогда бы и не пустили. Здесь подавали шампанское и икру. И здесь собиралась богатая публика.

У рояля сидела молчаливая дама, как потом выяснилось – супруга врача, зарабатывающая на жизнь аккомпанементом. Она знала свое дело. И это было настоящим спасением для Эдит – девушка не имела ни малейшего понятия о нотах.

И Эдит запела... Она спела все свои песенки, какие только знала. Лепле слушал, подперев голову рукой. Его голубые прозрачные глаза светились восторгом, который он, впрочем, скрывал за напускным равнодушием.

– Хорошо, – сказал он, когда Эдит закончила петь. – Твой дебют в пятницу. Ты будешь получать по сорок франков в день. А завтра в четыре попрошу на репетицию...

Потом он улыбнулся и добавил:

– Постарайся успеть хотя бы до шести. Иначе мы потеряем пианистку.

Эдит Пиаф в кабаре

«Жернис».

24. Малышка Пиаф

– У тебя есть что надеть?
– Да, черная юбка. И... я вяжу себе свитер. Но еще не закончила.
– Успеешь закончить?
– Да.
– Отлично... А как тебя зовут, детка?
– Эдит Гасьон.
Лепле поморщился.
– Еще меня зовут Таней.
– Неплохое имя. Но ты же не из России?
– А еще Дениз Жей.
– Ужасно...
– Югетт Элиа.
– О, господи... Послушай, ты – настоящий воробей. Ну да, парижский уличный воробей. Лучше всего тебе подходит имя Муано... Но оно уже занято. Ты станешь малышкой Пиаф. Маленьким воробышком...

Так на свет появилась певица Пиаф.

На репетицию она пришла не в четыре, как просил Лепле, а на полчаса раньше. Ее встретил сам Лепле и Ивонн Балле, звезда шансона, блиставшая в «Паласе» и «Казино де Пари». Балле ничего не знала о Пиаф и выразила желание послушать ее на репетиции.

– Ты будешь великой певицей, – заявила Балле, растроганная голосом молодой Пиаф. – Но, ради бога, не выходи на сцену в красном платке. Исполнители твоего плана всегда набрасывают на плечи красный платок. Это глупая традиция, которую надо остановить. Я хочу сделать тебе подарок как певице. – С этими словами Ивонн протянула Эдит ослепительно белый, воздушный шарф. Если бы Балле знала, какую услугу оказывает начинающей свой путь Пиаф. Если бы знала...

Каждая песня Пиаф – это
выстраданная часть ее жизни.

25. Дебют

Она успела выучить всего три песни. С ними и отправилась на премьеру – на непослушных от волнения ногах.

Эдит должна была выступать в самом начале программы. По пятницам в «Жернис» собиралось избранное общество – артисты, политики, богатые люди. Лепле не мог вывести на сцену неизвестную певицу вместе со звездами. Эдит была лишь его опытом, аттракционом, разогревающим интерес публики перед главными выступлениями.

Она сидела в гримерке и лихорадочно довязывала свитер. Она не успела закончить рукав! Лепле поминутно заглядывал в дверь и спрашивал:

– Ну как, скоро?

Наконец, он не выдержал и заявил:

– Все, пора на сцену... Набрось на руку вот этот шарф.

И Эдит набросила на недовязанный свитер белый шарф Ивонн Балле.

Лепле сам вывел ее на сцену. И произнес речь, которую Пиаф запомнила на всю жизнь.

– Несколько дней назад я проходил по улице Труайон. На тротуаре пела девочка, маленькая девочка с бледным и печальным лицом. Ее голос проник мне прямо в душу. Он взволновал меня, потряс. Я хочу теперь познакомить вас с ней – это настоящее дитя Парижа. У нее нет вечернего платья, и если она умеет кланяться, то лишь потому, что я сам вчера только научил ее это делать. Она предстанет перед вами такой же, какой я встретил ее на улице: без грима, без чулок, в дешевой юбчонке... Итак, перед вами малышка Пиаф!

Бывают женщины очаровательные, бывают ослепительно эффектные. Но бывают женщины, от которых невозможно оторвать взгляд.

Эдит спела первую песенку. И в переполненном зале наступила звенящая тишина...

26. Морис Шевалье

Она еще не знала, что означает эта зловещая тишина. Вдруг обнаружила, что шарф Балле лежит у ее ног. И все видят ее нелепый свитер без одного рукава.

На глазах у Эдит заблестали слезы отчаяния.

И вдруг раздались аплодисменты... Нет, не аплодисменты – обвальная, бесконечная овация. И крики «браво», которые она услышала в свой адрес впервые в жизни.

Отчаяние как рукой сняло. Эдит объявила вторую песенку. И вдруг в наступившей тишине раздался уверенный голос:

– Этих песенок у малышки, оказывается, полным-полно за пазухой!

Это был признанный мэтр – Морис Шевалье.

Спустя годы Пиаф сказала, что слова Шевалье были самым большим комплиментом в ее жизни. А она получала огромное количество комплиментов.

Судьба сводила ее с Шевалье много раз. 17 февраля 1936 года Пиаф пела на арене цирка

«Мурано» – вместе с Морисом Шевалье, Мари Дюбуа, Фернанделем и другими звездами. Это ли было ни признание? Это ли был ни триумф?

Морис Шевалье.

С Шевалье она дружила и одно время была в него влюблена. Да, Пиаф и Шевалье были близки. И она сумела сохранить с ним добрые отношения на всю жизнь...

После выступления Эдит подумала: «Все слишком хорошо. Они не приветствуют меня. Они надо мной насмеются...»

Но Лепле обнял ее и сказал:

– Глупости. Ты их победила, воробышек. И так будет всегда – все последующие дни.

27. Гибель Лепле

Ее взлет был стремительным, а слава безусловной. Понемногу и, конечно же, не сразу о Пиаф стали упоминать в прессе. Но спустя некоторое время о ней писали уже все парижские газеты. Ею восторгались, ей признавались в любви.

Лепле учил ее постоянно – создавал образ, открывал главные сценические истины, которые Пиаф не забыла до последнего часа. Лепле был так трогательно заботлив, что Эдит стала называть его папой.

– Ты не должна идти на поводу у зрителя, – говорил Лепле. – Великий секрет в том, чтобы всегда оставаться самой собой. Всегда оставайся самой собой!

Пиаф была наивна и совершенно не ориентировалась в светском обществе. Лепле выстроил очень тонкую и умную рекламную компанию. Слух о необыкновенном голосе

передавали из уст в уста. А слова признанных артистов, художников, политиков действовали убедительней любых газетных статей.

Послушать Пиаф приезжали со всех концов Парижа и Франции. Отныне она пела в «Жернис» ежедневно и была центральной фигурой программы. Но... она понятия не имела, для кого именно поет. Однажды, желая польстить Пиаф, ей сказали, что в зале находится сам Фернандель. И Эдит на это ответила:

– Фернандель? Ну и что?

Она просто никогда не видела его фильмов...

Все закончилось в один миг. 7 апреля 1937 года Францию облетело страшное известие: Луи Лепле застрелен выстрелом в голову.

Луи Лепле.

28. Кто ты, Пиаф, – жертва или... убийца?

Луи Лепле нашли в его собственной квартире мертвым. Обстоятельства смерти так и остались загадкой, но в число подозреваемых полиция включила и Пиаф. Нет, не как непосредственную исполнительницу ужасного преступления, но как потенциальную соучастницу.

Это было несправедливо! Пиаф относилась к Лепле как к учителю, как к самому дорогому, близкому человеку. Она любила его. Между ними не было и не могло быть крупных конфликтов, которые привели бы к такой страшной развязке. И полиция вскоре оставила Пиаф в покое... Полиция – но не коллеги и пресса.

«Жернис» был закрыт, но в кабаре оставалось много артистов, официантов, прислуги. В этот тяжелый момент Эдит от одного из своих коллег услышала слова, которые ранили ее в самое сердце.

– Что, умер твой покровитель? С твоим талантом ты снова окажешься на улице... малышка...

Но хуже всего вела себя пресса. Газеты на все лады перемывали косточки несчастной Пиаф. Винили ее в том, чего она никогда не делала и не могла сделать в принципе. Эдит впала в жесточайшую депрессию – первую в своей короткой жизни, но далеко не

последнюю.

О выходе на сцену кабаре «Жернис» не могло быть и речи. Завсегдатаи кабаре верили газетам и не стали бы слушать «убийцу» их кумира. Другие заведения Пиаф не приглашали – по той же самой причине.

На помощь, как это не раз еще случится в жизни великой певицы, пришли настоящие друзья.

Песня как жизнь.

29. Раймон Ассо

После ужасной гибели Луи и двух суток предварительного заключения, проведенных в полицейском участке, Эдит дала концерт в парижском кабаре «Одетт», где выступала несколько раз еще при жизни Лепле. И впервые подверглась молчаливому зрительскому неприятию. Она была глубоко несчастна, она старалась оправдаться перед зрителем. Но... как оправдаться в том, чего ты никогда не совершала?

Закончился срок короткого контракта с «Одетт». Хозяева отказались его продлить. Пиаф осталась практически без ангажемента. Некоторое время она объезжала рабочие районы Парижа, где ее принимали хорошо, но платили мало. Затем Пиаф отправилась в Ниццу.

Здесь, на побережье, столичных газет почти не читали, а местные о деле Лепле писали скупое. Но Пиаф приходилось несладко – провинция ее абсолютно не знала. И того успеха, которого она добилась в Париже, здесь, в Ницце, не случилось.

Она вернулась в Париж, где ее уже никто не ждал.

В один из вечеров, когда Пиаф тосковала о Лепле, она сняла трубку и позвонила Раймону Ассо.

– Раймон, – сказала она, – ты не хочешь заняться моими делами?

Его ответом были слова:

– И ты еще спрашиваешь? Я жду этой минуты целый год! Немедленно бери такси и приезжай.

Эдит Пиаф прослушивает свою только что записанную пластинку. 1938 год.

30. Великая Эдит Пиаф

Не имея, по сути, никакого образования и не владея музыкальной грамотой, Пиаф пела и чужие песни, и сочиняла сама. Одним из поэтов, которых она полюбила сразу и безоговорочно, стал Раймон Ассо. Его стихи отлично укладывались на музыку, которую так любила Эдит, и в полной мере отражали ее внутреннюю сущность. Уличный воробышек? Да! Но такими уличными воробышками была полна вся Франция.

Ассо взялся за Пиаф самым серьезным образом. То, что не успел сделать Лепле, завершил он, Раймон Ассо. Он окончательно сформировал сценический образ певицы, подобрал удивительно точный репертуар. Каждая песня была в самое сердце. Любовь, радость жизни, печаль утраты – все это было в его стихах... Нужно ли говорить, что Пиаф в него влюбилась, как влюбилась двумя годами ранее в блистательного Луи Лепле? Воистину, сердце этой женщины было всегда открыто для любви. И потому очень ранимо...

Ассо решил добиться двух целей разом. Чтобы Пиаф приобрела статус известной певицы, а не актрисы закрытых кабаре, ему нужно было заполучить радио и устроить ангажемент в одном из самых прославленных концертных залов – в парижском мюзик-холле «АВС» на Больших бульварах. И это у него получилось!

Главной переменной стал новый образ. На сцену «АВС» вышла не малышка Пиаф, а Эдит Пиаф. Взрослая женщина, выдающаяся певица, а вовсе не бывшая уличная девчонка. Малышка исчезла, но... остался воробышек.

В студии звукозаписи.

31. Ты должна плакать!

Раймон Ассо не просто изменил сценический образ Эдит Пиаф, он вложил в эту маленькую упрямую женщину свою душу.

Они были близки, и связь их была глубже, чем любовные отношения Эдит и Лепле. К Лепле молодая Пиаф относилась с благоговением, как к опытному старшему наставнику, а Ассо был прежде всего другом, а уж потом учителем.

Раймон никак не мог побороть своенравность певицы. Поначалу все, что он говорил, она пропускала мимо ушей.

– Пойми, воробышек, это трагическая песня. Ты должна плакать на сцене, а не веселиться. Тогда заплачет и публика.

– Еще чего! Я не умею плакать из-за всякой чепухи...

– Хорошо, – сказал Ассо. – Просто так ты плакать не можешь? И песня моя тебя не трогает?

– Чудесная песня, Раймон. Но плакать... Из-за чего мне плакать?

– Хорошо. Тогда – просто пой.

Ассо кивнул пианистке. Та заиграла вступление. Пиаф начала петь. И тут же вскрикнула – Ассо изо всей силы перетянул ее ремнем пониже спины. Удар был настолько силен, что Эдит едва удержалась на ногах. Удивленная пианистка остолбенела.

Раймон Ассо вложил в эту маленькую упрямую женщину всю свою душу.

– Я сказал – играть! – зарычал Ассо. – А ты – пой!

И он добавил витиеватое ругательство.

Пиаф испуганно запела. Ассо снова наотмашь ударил ее. Потом еще и еще.

Эдит заплакала.

– Ты сумасшедший! Ты конченный идиот!

– Пой, я сказал! Пой, иначе я так тебя отделаю, что живого места не останется...

Больше уговоров не потребовалось. А Пиаф навсегда запомнила этот жестокий урок...

Впрочем, потом Ассо извинялся за свою несдержанность. Он сказал ей:

– Знаешь, я готов был тебя убить. Какая же ты упрямая...

32. Состоятельная Эдит Пиаф

Во время того концерта на Больших бульварах Эдит пела песни, которые специально для нее написал Раймон Ассо – «Она жила на улице Пигаль», «Мой легионер», «Вымпел для легиона». И на следующий же день по Франции пронеслось: «Вчера на сцене „АВС“ во Франции родилась великая певица».

Великой ее назвали те самые газеты, которые год назад смешивали с грязью. Но потрясение было таким, что прошлое предали забвению.

И начался настоящий триумф. Эдит Пиаф была счастлива...

Предвоенные годы принесли ей всемирную славу и деньги. Отныне она не нуждалась ни в чем.

Казалось бы, голодная юность, неустроенность, личные невзгоды должны были научить ее бережливости. Но Пиаф не была бы самой собой, если бы прятала заработанное в кубышку.

Импульсивная, непредсказуемая, временами распущенная, она была еще и очень добрым, щедрым человеком. Она не изменила друзьям своей юности даже тогда, когда была очень богата. Выступая в «Жернис», она проводила свободное время в компании бывших коллег по уличным концертам. По возможности помогала друзьям, так и не поднявшимся до уровня профессиональных музыкантов. Навсегда сохранила дружбу с сестрой Симоной, которой была обязана многим.

После смерти Пиаф не осталось ни какой-либо недвижимости, ни денег. Все, что было ею заработано, она прожила.

Импульсивная, непредсказуемая, временами распущенная, она была еще и очень щедрым человеком.

33. Моя публика

Эдит любила шумное общество артистов и часто приглашала к себе гостей. Однажды она собрала друзей в гостиничном номере, где жила временно, пока в ее любимой квартирке на бульваре Ланн шел ремонт.

Говорили о том, о сем. И вдруг кто-то из гостей, желая, вероятно, польстить Пиаф, высказался в том плане, что профессия певца – дело неблагодарное. Нужно каждый вечер выходить на сцену и преодолевать равнодушие публики, завоевывать ее внимание.

В устах успешного талантливого человека, баловня судьбы эти слова звучали, по крайней мере, странно. Все умолкли. И тут взорвалась Эдит. С присущим ей темпераментом она воскликнула:

– Вы недовольны публикой? Вы ее боитесь? Вы ее не понимаете? Да как же можно?!

И, переведя дыхание, продолжила:

– Когда я выхожу на сцену, я чувствую дыхание и настроение людей. И мне все равно, сколько их – тысяча или десять тысяч. Я знаю, стоит мне только запеть, и все эти люди

сольются со мной. Я пою для них. И я их люблю.

душа...

Пиаф – символ Франции, ее знамя, ее

Затем она совсем успокоилась и с улыбкой произнесла:

– Это продолжается уже более двадцати лет. Меняется мода на песни, меняются сами люди. Но я остаюсь неизменной. Каждый вечер я выхожу на сцену и дарю им свою любовь, сою благодарность и свое вдохновение. И знаю, они любят меня. И будут любить всегда.

34. Прошлое

Рядом с Пиаф всегда было много самого разного народа – не только друзей, но и откровенных приживал, обиравших и бессовестно обманывавших ее.

Одну женщину, распускавшую об Эдит по всему Парижу вздорные слухи, оговаривавшую ее, и даже шантажировавшую, Пиаф терпела много лет. Та нагло воровала, залезая в кошелек, а Эдит делала вид, что ничего не замечает. Сплетни, которые могли идти только от этой хамоватой тетки, она пропускала мимо ушей, как не слушала и предупреждения друзей, убеждавших ее избавиться от неблагодарной нахлебницы.

Но однажды приживалка зашла так далеко, что у одного из приятелей Эдит сдали нервы. Он явился прямо домой к Пиаф и отчитал ее.

– Сколько же можно, в самом-то деле? Открой глаза, посмотри, что вытворяет эта бесстыдница! Что вас связывает? Прогони же ее, наконец!

Пиаф грустно улыбнулась и ответила:

– То, что нас связывает, из жизни не вычеркнешь. Это годы нужды, голода, бесприютности. Мы ели не каждый день, ночевали на улице, прятались в подворотнях... Иногда мне приходит мысль, что если бы я не умела петь, если бы у меня не было голоса, я была бы такой же. Я прощаю ей все. И сама готова просить у нее прощения...

Возразить на это было нечего. И приятель Пиаф пристыженно замолчал.

Перед выходом на сцену.

35. Елизавета и Филипп

– Эдит, ты уже знаешь?

– Отстань, Марго, мне некогда. Через три минуты выходить на сцену.

– Так ты не в курсе? В зале наследница английского престола – принцесса Елизавета. И ее супруг Филипп.

– Да ты что?!

– Вот тебе и что. Увидишь их сразу. Вон за тем столиком.

– О боже... Святая Тереза, спаси и сохрани...

Эдит вышла на сцену. Дело было в небольшом кабаре на Елисейских полях. Народу в зале немного, а потому Эдит сразу разглядела и принцессу, и герцога Эдинбургского. Никто, конечно, тогда еще не знал, что это будущая королева Англии...

Затем Пиаф запела, и волнение мигом улетучилось. Она всегда успокаивалась, когда

начинала петь. К концу выступления она даже забыла о присутствии королевской четы. Тем более что аплодировали они наравне со всеми.

После концерта Эдит сообщили, что принцесса приглашает ее на ужин. Час от часу не легче! А Пиаф даже не в курсе, что следует надеть. И вообще, как правильно делать... реверанс? И надо ли делать его в принципе?

Свадебная фотография

Елизаветы и Филиппа Эдинбургского.

Она спустилась в зал. И едва собралась изобразить реверанс, как герцог Эдинбургский вскочил и придвинул ей стул. А через минуту они уже мирно болтали о всякой всячине.

Позже Эдит с улыбкой рассказывала, что принцесса ей понравилась – очень простая и милая. А герцог – настоящий красавчик, до которого далеко и Кларку Гейблу, и Гарри Куперу.

36. Война

Нет, не стоит рисовать образ «святой Эдит Пиаф». Она не была святой, как не была героиней или бессребреницей. Она любила славу, любила деньги, любила мужчин. Но эта маленькая, хрупкая женщина любила еще и свою родину – Францию.

К началу войны карьера Пиаф достигла такого уровня, что ей уже не нужен был антрепренер. Она разошлась с Раймоном Ассо, но истинной причиной стали вовсе не деньги. Ее связи с мужчинами всегда носили сердечный характер и подразумевали полное сближение. Эдит охладевала к своим мужчинам так же стремительно, как и влюблялась. Современники говорили, что Пиаф разбила множество преданных сердец...

Как бы там ни было, но услуги Ассо Пиаф были больше не нужны. Ее наперебой приглашали в самые известные концертные залы. Она много гастролировала и много зарабатывала. Из желающих пригласить Пиаф выстраивалась огромная очередь. Но певица почувствовала, что ей тесно в амплу исполнительницы любовных песен.

Всю жизнь Пиаф искала себя в разных жанрах. Она играла в театре. Уже после войны написала книгу воспоминаний «На балу удачи», пользовавшуюся хорошим спросом. А в

период оккупации попробовала свои силы в кино.

Большой киноактрисой она так и не стала. Но свой след в искусстве, безусловно, оставила.

Эдит Пиаф в годы войны.

37. Жан Кокто

Эдит Пиаф чувствовала в себе дар драматической актрисы и нисколько на этот счет не заблуждалась. Именно в ее драматическом таланте кроется секрет необыкновенного успеха песен Пиаф. Она одной из первых не просто пела со сцены, она давала целый спектакль, являя слушателям не только музыку, но и подлинную историю своих героев.

Наверстывая упущенное в молодости, Эдит много читала. И имя Жана Кокто было ей хорошо известно. Она зачитывалась его стихами, пьесами, романами. Однажды ей довелось познакомиться с писателем лично.

Кокто подошел к ней после одного из концертов. Эдит немного оробела перед признанным мэтром. Так было всегда. Возможно, поэтому она позволяла себе иронизировать над ним, скрывая собственную неловкость. И в то же время она относилась к Кокто с благоговением.

В тот раз они заговорили о мюзик-холле. Пиаф опасалась, что Кокто считает ее искусство низким, легкомысленным, недостойным серьезного внимания. Но Кокто сказал:

– Именно там можно встретить настоящую публику, ту самую, которую видишь на футбольных матчах и на соревнованиях по боксу. Времена, когда воздвигались башни из слоновой кости, миновали, и снобы больше не идут в расчет. Зритель из толпы интересен по-своему, но и труден по-своему...

И это были именно те слова, которые Пиаф в глубине души желала от него услышать.

С Жаном Кокто.

38. Эдит – актриса

По просьбе Пиаф Жан Кокто написал небольшую одноактную пьесу «Равнодушный красавец».

Это была очень необычная пьеса. На сцену выходили два артиста. Мужчина ложился на диван, прикрывал лицо газетой и... засыпал. А женщина произносила длинный монолог, в котором признавалась ему в любви, унижалась, просила, требовала, обещала. Но мужчина оставался равнодушен. И под ее признания засыпал. В финале спектакля он отталкивал женщину, давал ей пощечину и уходил прочь. На сцене разыгрывалась типичная драма неразделенной, непонятой любви.

Премьера состоялась в феврале 1940 года на сцене «Буфф-Паризьен». Партнером Пиаф был певец Поль Мерисс. Эдит сыграла свою роль так, что зрители устроили настоящую овацию. Великая певица доказала всем, что она еще и выдающаяся драматическая актриса.

А в кино все сложилось не столь успешно. Вдохновленный успехом спектакля, режиссер Жорж Лакомб решил экранизировать пьесу Кокто. Фильм вышел в 1941 году и назывался «Монмартр на Сене». В главной роли была Эдит Пиаф. Но фильм серьезного признания не получил – все же дело происходило в оккупированной Франции.

годы.

Пиаф и Кокто в театральной пьесе. 1940-е

Вторым более-менее заметным фильмом стала историческая драма «Если мне расскажут о Версале» 1954 года, в которой Пиаф играла вместе с Жаном Маре. Этот фильм оценили по заслугам – зрители валом валили взглянуть на любимую певицу и любимого актера.

Всего же Пиаф сыграла в 8 фильмах...

39. Несостоявшаяся любовь

Чем ближе Эдит узнавала Кокто, тем больше в него влюблялась. Умный, внимательный, деликатный Кокто произвел на нее неизгладимое впечатление.

Однажды он пригласил ее поужинать в ресторане. Заказал очень дорогое вино. И Эдит немного опьянела.

Кокто говорил о театре, а она почти не слышала. Только смотрела на него влюбленными глазами, замечая, как загораются и угасают его глаза, как лицо покрывается легким румянцем, а потом бледнеет.

Неожиданно она приблизилась к нему и поцеловала. Кокто удивленно замолк.

– Прости Жан, – смутилась Пиаф. – Я тебе... не нравлюсь?

– Ты мне очень нравишься, – серьезно ответил Кокто. – Ты нравишься мне так, как до этого не нравилась ни одна женщина. Поэтому я напишу для тебя хорошую пьесу. Я хочу, чтобы женщина, которую я люблю, блистала на сцене. Чтобы о тебе говорил весь Париж – не только как о выдающейся певице, но и как о звезде театра.

– О, Жан! – на глазах Пиаф заблестали слезы.

С Раймоном Ассо. 1937 год.

– Но есть одна маленькая деталь, – тихо сказал Кокто. – Ты должна меня понять. Ты обязательно поймешь, Эдит, я знаю...

Пиаф замолчала. Она не знала, что и подумать. В чем смысл этого вежливого отказа? Кокто скосил глаза в сторону.

– Видишь того молодого человека за дальним столиком? Ну, там, возле оркестра? Его тоже зовут Жан. Ты о нем еще услышишь... Это моя любовь, Эдит. Он не простит мне измены.

Пиаф еле сдержала улыбку, понимая, что может невольно оскорбить мэтра.

С тех пор она не предпринимала попыток заполучить Кокто. А его молодым возлюбленным, как Эдит узнала позже, был артист Жан Маре.

40. Твой крест – одиночество

Во время войны Эдит Пиаф потеряла отца и мать... Всегда окруженная поклонниками, друзьями, слушателями, Эдит, по сути, была отчаянно одинока. Она не взваливала на друзей свои тяготы, преодолевая трудности самостоятельно. Сама пыталась выжить, когда жизнь, казалось, теряла смысл. Но силы ее были не беспредельны. Однажды она пыталась покончить жизнь самоубийством. Это произошло после гибели ее возлюбленного Марселя Сердана. Эдит остановила подруга. Позже Пиаф угодила в больницу с приступом белой горячки. И даже лечилась от наркомании в психиатрической клинике.

Но так же тяжело, как сама Пиаф переживала свои потери, переживали ее утрату и мужчины Эдит. Да, Пиаф любили. Ее не могли не любить. Ее ранняя смерть стала личной трагедией выдающихся людей Франции. Достаточно прочесть печальные слова Ива

Монтана, Шарля Азнавура, Марсея Блистэна...

Всегда окруженная поклонниками, друзьями, слушателями, Эдит, по сути, была отчаянно одинока.

41. Необыкновенные концерты

Шла война, но оккупированный немцами Париж продолжал жить собственной жизнью. Уличные цветочницы продавали букеты. Работали театры и кабаре. Не прекратила концертную деятельность и Пиаф. Она мало интересовалась политикой, и война, казалось, проходила где-то в стороне от нее. Но это было абсолютно не так!

Пришло приглашение из Германии – дать серию концертов в Берлине и других городах. Пиаф согласилась, но с условием, что выступать будет в лагерях для интернированных и военнопленных французов. Немецкий импресарио согласился – все равно Пиаф знали лишь ее соотечественники. Перед войной Германия жила практически в самоизоляции. И слава Эдит Пиаф обошла ее стороной.

И Пиаф отправилась в Германию. Она пела перед заключенными, много фотографировалась с ними и их охранниками, раздавала немецким офицерам автографы. Это было несложно – немцы моментально оценили уникальный голос певицы и были просто очарованы ею.

В перерывах между гастролями Эдит возвращалась в Париж. Ее друзья, участники Сопrotивления, вырезали из готовых карточек портреты заключенных и клеивали в

фальшивые паспорта. Затем Пиаф отправлялась обратно в Германию, но уже с багажом поддельных документов.

Благодаря этим безумно опасным вояжам Пиаф спасла жизнь 120 французам, способствовав их побегу из плена.

Благодарная Франция.

42. Ив Монтан и Шарль Азнавур

Она влюблялась моментально. Познакомившись с Монтаном, Эдит тут же потеряла голову и проводила с ним все свободное время.

Ее забота не знала границ. Эдит одевала Монтана, снабжала начинающего артиста деньгами, ставила ему голос, давала уроки сценического поведения. Более того, она сама подбирала ему репертуар и писала песни. Дела молодого певца стремительно пошли в гору. И Пиаф занялась его кинокарьерой, встречаясь с известными режиссерами и всячески рекламируя Ива как талантливого киноактера.

А до Монтана у Эдит был роман с армянским юношей по имени Шарль Азнавурян, которого мы сейчас знаем как великого французского певца и киноактера Шарля Азнавура. Азнавур был очень молод и абсолютно неизвестен. По его собственному признанию, его открыла именно Эдит Пиаф.

Но роман с юным Азнавуром был очень коротким. Монтану повезло чуть больше, однако и он получил отставку – как только Эдит почувствовала, что устала от молодого любовника.

С Монтаном (слева) и

Азнавуром.

Она была ненасытна в искусстве, она была ненасытна и в любви. Рестораны, шумные поездки, приемы, вино, музыка, веселье – это была ее среда. Но никто не знает, о чем она мечтала в те дни в глубине своей беспокойной души.

Пиаф была способна на все. Она не смогла лишь построить семью и родить второго ребенка. Судьба подарила ей большой талант, но отняла возможность обрести семейное счастье.

43. Юноша с печальными глазами

Молодой Азнавур обладал замечательным голосом, но никак не мог найти свой сценический образ. Он пытался подражать звездам того времени, но это выглядело нелепо и смешно.

Пиаф понимала, что первые концерты юного певца определяют всю его дальнейшую судьбу. Либо он так и останется в безвестности, либо... Она решила вывести его на сцену сама, перед собственным выступлением. Но для этого нужно было отыскать ту индивидуальную, единственную нотку, которая выделит Азнавура из общей толпы претендентов на внимание парижской публики.

– Шарль, – сказала она ему однажды, когда они после бурной ночи обессиленно лежали в остывающей постели. – Ты знаешь, что я тебя... брошу?

– Нет... Почему? Эдит, разве я что-то делаю не так? – опечалился Азнавур.

– Я брошу тебя просто так. Это мой каприз. Я люблю делать мужчинам больно. На глаза Азнавура навернулись слезы.

– Но у тебя есть шанс... Спой мне ту песню, в которой ты признаешься в любви. Помнишь? «Любовь моя...» и так далее...

С Шарлем Азнавуром.

Азнавур поднялся. Подошел к окну. Отодвинул рукой портьеру. И глядя на просыпающуюся парижскую улицу, тихонько запел.

Его вибрирующий голос волновал Эдит. Она закрыла глаза, вслушиваясь в эти печальные признания.

– Слушай, Шарль, – сказала она, когда Азнавур закончил петь. – Не верь мне, я тебя обманула. Я никогда тебя не брошу. Но пой только так, как ты пел сейчас – с болью в голосе, с этой неизбывной печалью... Ты будешь печальным певцом, понимаешь? Пусть

все веселятся, а ты – грусти...

Это был тот самый «метод Ассо», который Эдит ощутила когда-то на собственной спине...

Азнавура она вскоре бросила. Его вытеснил Ив Монтан.

44. Я твой друг, Эдит!

Ив Монтан, ставший со временем одним из самых любимых публикой исполнителей, снискавший славу не только певца, но и киноактера, никогда не был обделен вниманием женщин. Он легко сходился с поклонницами, легко их бросал. Возможно, причиной этого была его страстная любовь к Пиаф. Эдит обошлась с Монтаном жестоко, хотя он никогда и ни в чем ее не винил.

Своей ошибкой (а кто не ошибается в любви?) он считал то, что жил с Эдит «вплотную», не оставлял между нею и собой ни малейшей дистанции. Он буквально преследовал ее. И в конце концов попросту ей надоел.

В самом конце их романа, когда Пиаф встречала молодого Монтана нескрываемым раздражением и вздорными упреками, он еще больше цеплялся за нее, страхась разрыва. Но неизбежное все-таки случилось.

– Ты мне отвратителен, – заявила Эдит, вернувшись с американских гастролей сорок седьмого года. – Я ненавижу тебя. Вон отсюда!

Монтан переминался с ноги на ногу в прихожей – дальше его не пустила секретарша Пиаф Андреа. Он чувствовал себя так, словно его переехал огромный паровой каток. Словно разверзлись небеса, и его поразила молния. Словно он был только что убит наповал, уничтожен самым страшным образом.

– В чем дело, воробышек?!

– Не смей меня так называть, – взвилась Пиаф и потом добавила более мирно, – я тебя больше не люблю, Ив.

Ив Монтан.

Он ушел в крайне расстроенных чувствах. Потом, спустя некоторое время, узнал имя своего соперника. Им был боксер Марсель Сердан, человека, которого познакомил с Эдит сам Монтан. Это были тяжелые минуты. Но Ив справился с собой и позвонил Пиаф.

– Воробышек, – сказал он. – Я не держу на тебя зла. Я все тебе прощаю. Люби, кого хочешь, только скажи, что я твой друг.

– О, Ив! Конечно же, ты мой друг. Ты знаешь меня, поэтому поймешь...

– Я буду любить тебя всю жизнь, моя девочка... И... будь счастлива.

Монтан действительно помнил эту любовь до конца своих дней. И остался верным другом Эдит Пиаф.

45. Марлен Дитрих

А еще жизнь подарила Эдит Пиаф дружбу с великими современницами. Одна из них – загадочная и прекрасная Марлен Дитрих. В молодости Эдит бредила этой великой актрисой. И не смела даже представить, что в зрелые годы Марлен станет ее подругой.

Их сблизила музыка. Дитрих восхищалась даром Пиаф и однажды обратилась к ней с просьбой поставить голос. Дитрих мечтала петь сама, петь в своих фильмах, выходить на

сцену, как Пиаф, которую она называла своим кумиром... И это признание поразило Эдит. Да, да, разумеется, она поможет великой Марлен всем, на что только способна.

И началась многолетняя дружба. Эдит стала давать уроки пения Дитрих. И это не шутка – природное дарование певицы было настолько мощным, что она интуитивно улавливала все нюансы певческого ремесла.

У манеры исполнения Пиаф и манеры Дитрих вроде бы нет ничего общего. Но когда узнаешь, что в голосе Дитрих есть часть труда Пиаф, начинаешь слышать некие схожие нотки...

И вот, наконец, пришло время самой большой любви в ее жизни...

Марлен Дитрих.

46. Марокканский бомбардир

Удивительно, как судьба сводит выдающихся людей...

Марсель Сердан был на самом деле великим боксером. Свою профессиональную карьеру он начал в 1934 году. Несмотря на молодость – Сердану едва исполнилось 18 лет – это был уже очень опытный боец, который к тому времени провел на ринге 107 боев, в которых проиграл лишь четырежды. Он слыл отъявленным нокаутером. И это было удивительно – Сердан никогда не стремился закончить бой нокаутом. Он любил бокс, он играл в бокс, он жил боксом. Более того, он всегда отличался миролюбием и джентльменским отношением к противнику. Но факт остается фактом: из 103 побед на любительском ринге 40 поединков закончились нокаутом, а 62 – техническим нокаутом.

Не менее успешно сложилась и профессиональная карьера Сердана. За 15 лет он провел

116 боев и проиграл только четыре из них. За крепкий удар и вошедшее в традицию досрочное окончание поединков Сердан и получил прозвище «марокканский бомбардир».

Но это мало интересовало Эдит Пиаф – до поры, конечно. Как не интересовало ее и то, что Сердан был накрепко привязан к Марокко и Касабланке, городу, где он появился на свет и где жила его супруга Маринетта и трое сыновей.

Марсель Сердан.

Хорошим ли семьянином был Сердан? Кто знает. Но в те пред рождественские дни 1946 года он уже думал только об Эдит Пиаф. Она вошла в его жизнь и вытеснила все.

В том числе и семью.

47. Первая встреча

С Марселем Серданом Эдит познакомилась в Париже в ноябре 1946 года. Кажется, это было сразу после ее концерта. Пиаф совершенно не запомнила обстоятельств той встречи. Седана подвел Монтан.

– Эдит, детка, ты должна познакомиться с этим парнем, – сказал Ив, широко улыбаясь.

– Да? – насмешливо произнесла Эдит и окинула взглядом незнакомца.

Это был огромный человек лет тридцати с узким лицом и широкими черными бровями.

Эдит едва доставала ему до подбородка. И рассматривала его лицо снизу вверх, задрав голову.

– Марсель, – смущенно произнес незнакомец и неловко протянул руку.

Эдит не обратила внимания на эту явно нечаянную бестактность и запросто пожала крепкую ладонь Марселя.

– Марокканский бомбардир. Слышала? – продолжал Монтан.

– Нет. А что он... бомбардирует?

– Он профессиональный боксер. Будущий чемпион мира в среднем весе.

– О, я ничего не понимаю в боксе, – засмеялась Эдит. – Вы такой большой, что у меня устала шея смотреть на вас снизу вверх.

– Я готов встать перед вами... на колени, – ответил Сердан и залился краской.

Когда боксер отошел, Монтан прошептал на ухо Эдит:

– Это очень известная фигура в мире спорта. Настоящий великан. И он... очень хотел увидеть тебя вблизи.

– Да? Я чувствую себя музейным экспонатом, – засмеялась Пиаф.

Марсель на тренировке. 1948

год.

48. Случай в Америке

Этим вечером у Пиаф концерта не было. Она устроилась на диванчике, поджав под себя ноги, и принялась перелистывать модный журнал. Его принесла Андреа, когда спускалась

в магазин за какой-то бытовой мелочью.

На страницах яркого журнала были изображены полуодетые блондинки, похожие одна на другую. Они демонстрировали белье, от вида которого у Эдит немножко кружилась голова.

«Какое чудо, – подумала она. – Надо бы пройтись по магазинам. Здесь в Нью-Йорке замечательные магазины...»

Квартирка на четвертом этаже была куплена Пиаф недавно. Мебели было немного. Кухонька совсем еще пуста – не на чем было даже сварить кофе.

Зазвонил телефон. Эдит подумала, что придется подняться и тащиться в прихожую – секретаршу она на вечер отпустила, а прислуги не держала...

– Эдит?

Мужской голос казался знакомым, но Пиаф не могла так сразу припомнить его обладателя.

– Кто это? – спросила она.

– Марсель Сердан.

– Сердан? Не знаю такого.

– Ваш поклонник, француз. Боксер... Нас познакомили два месяца назад, помните? Марокканский бомбардир...

– Ах, Сердан! – ответила Эдит. – Помню, конечно, помню. Вы еще собирались встать на колени, чтобы мне было легче на вас смотреть.

– Я сделаю это сейчас, если вы согласитесь со мной поужинать. Я стою у дверей подъезда вашего дома, возле телефонной будки.

– Хорошо, – сказала Эдит. – Я как раз чертовски голодна...

Сценка в кафе.

49. Мясо с горчицей

– Куда же вы так спешите? Помедленней, пожалуйста...

– О, извините, ради бога.

– Ну вот, снова побежал. Я не успеваю за вами!

Рассерженная Пиаф остановилась. Ее глаза стали злыми и колючими. Сердан переминался с ноги на ногу, словно застоявшийся конь. Он вел себя, как неопытный мальчишка, и жутко стеснялся.

– Здесь недалеко есть один ресторанчик, – промямлил Сердан.

– Тогда пойдем туда. Только не так быстро. И... встаньте рядом. Я вас не укушу, – заявила Эдит.

Они зашли в какую-то закусочную. Зал был пуст. За одним столиком ужинали два пожилых таксиста. У барной стойки скучал официант.

– Сэр? – произнес официант вопросительно, глядя, впрочем, на Эдит, а не на Сердана.

– Я полагаю... – замешкался боксер. – У вас есть мясо? Вареная телятина?

– В горчичной заливке, сэр. А что будет дама?

Эдит и Марсель в ресторане.

– Две порции телятины, – сказал Сердан и густо покраснел.

Он готов был провалиться сквозь землю, но ничего не мог с собой поделать.

Официант принес две большие тарелки с дымящимся мясом. Сердан тут же набросился на еду. И вдруг понял, что есть не может...

– Господи, Эдит! – сказал он простодушно, отодвигая тарелку. – Что со мной? Почему я все делаю не так? Я чувствую себя четырнадцатилетним юнцом.

Эдит, даже не взглянувшая на блюдо, словно его не было на столе вовсе, вскинула брови.

– Эдит Пиаф и Марсель Сердан в забегаловке для таксистов, – произнесла она. – Какой сюжет для вечерней газеты.

Сердан расхохотался.

50. Чего желает мадам, того желает сам Бог

– Официант, вызовите такси.

Сердан протянул официанту сложенную вчетверо стодолларовую банкноту и жестом показал – сдачи не надо.

– Едем в ресторан, который вас достоин, Эдит. Вы ничего не имеете против «Павильона»?

– Надеюсь, там вы не станете кормить меня вареной телятиной с горчицей?

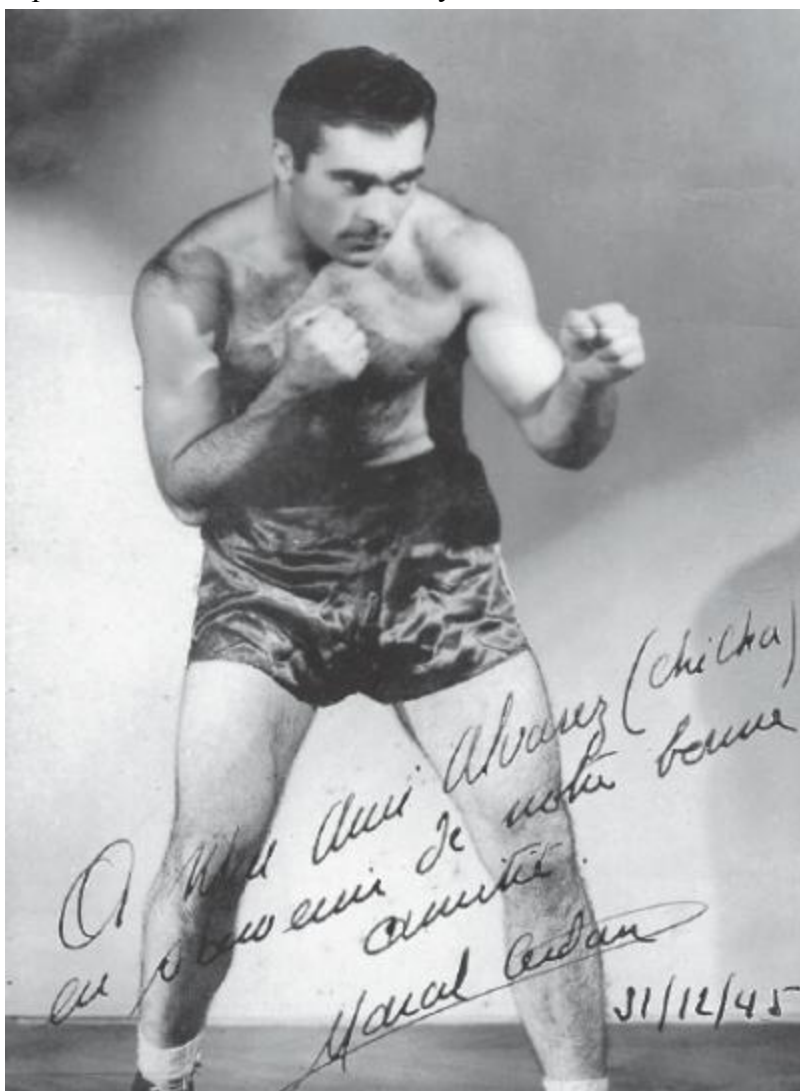
– О, нет, конечно – нет, – засмеялся Сердан. – Простите мою скованность. Я никак не могу привыкнуть к мысли, что рядом со мной великая Эдит Пиаф.

– Голодная Эдит Пиаф, которая хорошо себя чувствует в любой забегаловке, но не в данный момент...

Они сидели в полутемном зале роскошного ресторана «Павильон». Тихо играла музыка. Принесли кофе.

– Эдит, – произнес Сердан, – я сделаю для тебя то, чего ты захочешь. Прямо сейчас. Что угодно.

– Ах, Марсель, – ответила Пиаф с улыбкой, откидываясь на спинку кресла. – Здесь так хорошо... И я не знаю, чего хочу.

И снова Сердан. 1945 год.

– Подожди, я угадаю.

Сердан посмотрел на нее внимательным долгим взглядом.

– Я люблю тебя, Эдит.

Он положил свою тяжелую ладонь на ее маленькую руку. Приблизился и... поцеловал.
– Ты самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел в своей жизни. И я тебя – люблю, – прошептал он.
– А ты его исполнил, Марсель. Мое заветное желание, – ответила Эдит. – Ты сделал именно то, чего я ждала весь вечер... Ты всевидящий, Марсель.
– Нет, что ты. Я всего лишь слушаю свое сердце. И твое... воробышек...

51. Ты – мое счастье

На следующий же день Марсель Сердан перебрался в маленькую нью-йоркскую квартирку Пиаф. Верная Андреа Бигар переселилась в гостиницу. А на кухне появилась холостяцкая электрическая плитка и кофейник.

По утрам Пиаф просыпалась от запаха кофе и шкворчания яичницы. Марсель приносил завтрак на серебряном подносе. И они устраивали пир прямо в постели.

Однажды Сердан сказал:

– Ночью я проснулся от острого ощущения счастья. Со мною такого не было никогда. Понимаешь? Проснулся, смотрю на тебя и думаю – вот мгновение, которое стоит жизни. Твое умиротворенное лицо, твое дыхание. Биение твоего сердечка... Эдит, мне стыдно признаться, я... заплакал...

– Дурачок, дурачок, дурачок, – прошептала Пиаф, зарываясь в его объятия. – Ты мой, ты единственный, ты – мое счастье.

Днем они гуляли по Нью-Йорку. Их уже узнавали – гастрологи Пиаф были в самом разгаре, а Сердана считали первым претендентом на чемпионский титул среди боксеров-профессионалов. Но им было все равно. Репортерам они только улыбались. А в ответ на просьбу дать автограф отшучивались и бесстыдно целовались. И люди их понимали... А кому непонятна любовь?

Эдит чувствовала себя девчонкой. Свободные вечера, когда не надо было выходить на сцену, она проводила валяясь на диванчике и болтая без умолку о всякой чепухе. И Сердан внезапно ловил ее маленькую ногу и целовал в самую «ладошку». А Пиаф уворачивалась и заливалась счастливым смехом.

Их счастливые дни.

52. Женатый холостяк

Временами на нее накатывала тоска. Она вдруг вспоминала, что Сердан женат. И в далекой Касабланке его ждет законная супруга и трое малышей. А она отняла у отца его сыновей.

– Ты их любишь? – спрашивала Пиаф, мучаясь жестокими приступами ревности. – Я знаю, не отпирайся!

И Сердан всегда отвечал прямо:

– Да, очень. Я люблю своих детей, Эдит. И это нормально. Ты должна с этим смириться. Если... если любишь меня...

– А Маринетта?

– Ее я люблю как мать моих детей. И как женщину, которая была до тебя...

– Какая гадость! – в отчаянии выкрикивала Пиаф и набрасывалась на Сердана.

Она колотила в его грудь маленькими кулачками и ругалась так, как не ругались парижские клошары. И Марселью стоило большого труда успокоить ее.

Однажды он сказал:

– Этому надо положить конец. Больше о Маринетте и детях говорить не будем.

– Это трудно, Марсель. Я не хочу тебя ни с кем делить.

Пиаф и Сердан. 1948 год.

- Ты меня ни с кем не делишь, дорогой воробышек.
- А газеты?
- С ними я разберусь.

На следующий же день он собрал журналистов и провел ту знаменитую пресс-конференцию. Встреча длилась не более тридцати секунд. Войдя в зал, Сердан тут же заявил, что Эдит Пиаф его любовница, но лишь потому, что он женат. И под аплодисменты опешивших журналистов удалился.

В утренних нью-йоркских газетах о Пиаф и Сердане не было ни слова.

53. Ты – сама песня

А как она в те необыкновенные дни пела!

Современники вспоминали, что не узнавали Пиаф на сцене. Она была совсем другой – светящейся, искристой. Она пела не для них, а для себя. Она пела, потому что не могла не петь. И зал это чувствовал. И тут же подхватывал ее настроение. Слушатели выходили из зала с улыбкой, хотя потом, на улице, никто не мог точно сказать – чему же он улыбался.

Ее горланый низкий голос тех дней звенел, переливался, возносился к небесам. И песни ее, простые песни, которые пели в народе, давно считая своими, были песнями о любви.

Франция боготворила Пиаф. Но в те дни Пиаф боготворила и Америка. На ее концерты приходили эмигранты и коренные американцы. Люди, которые не знали ни слова по-французски, понимали ее песни так, словно это был американский диалект английского. А она пела только по-французски...

В зале всегда находился Сердан. Она чувствовала его присутствие. А лучшей наградой стало признание Марселя, которое Эдит запомнила на всю жизнь.

– Я полюбил тебя сразу, с первого взгляда, – сказал он. – Но когда я с тобой познакомился, то слышал твой голос только с пластинки. Я просто знал, что ты – великая Пиаф... И я никогда не думал, воробышек, что настолько великая. Сейчас, когда я тебя услышал, мне хочется упасть перед тобой на колени и молиться, как на икону. Ты не просто певица, моя девочка. Ты – сама песня.

петь...

Она пела, потому что не могла не

54. Какой я счастливец!

Сердан старался не пропускать ни одного концерта своей Эдит. Он стеснялся ее славы, считая, что не вправе разделять с ней ее триумф. Нет, он должен быть рядом, но – у ее ног. И так, чтобы этого никто не видел, кроме самой Эдит.

Обычно Сердан забирался на галерку, стараясь затеряться в толпе. Высокого роста и могучего телосложения, он старательно вытягивал шею, высматривая свою маленькую Эдит и при этом оставаясь незамеченным. Во время выступления Пиаф Сердана колотил озноб. После концерта он приходил за кулисы совершенно разбитым, словно только что провел изнурительный поединок на ринге. Он приближался к Пиаф и с волнением в голосе говорил:

– Господи, какая ты великая, какая изумительная... И какой же я счастливец!

Однажды Эдит давала концерт в «Плейель». Она только что спела последнюю песню и стояла на сцене, принимая бурю аплодисментов и восторженные возгласы публики. Зал приветствовал ее стоя – иного на концертах Пиаф и не бывало.

Кадр из фильма «Жизнь в розовом цвете» о жизни Эдит Пиаф. 2007 год.

Сердан спулся с галерки и машинально взглянул в ложу. Там стояли двое. Бледный как полотно Морис Шевалье и плачущая Полетт Годдар. Шевалье – великий французский певец, друг Пиаф. Годдар – замечательная актриса, сыгравшая в фильмах «Огни большого города» и «Диктатор» главные роли, бывшая супруга Чаплина и будущая – немецкого писателя Эриха Марии Ремарка.

55. Между Старым и Новым светом

Время шло. Закончились американские гастроли Пиаф. Они вернулись во Францию и поселились в доме Эдит. Но вскоре Сердан был вынужден уехать в Касабланку – повидать детей. И для Эдит эта разлука стала настоящим испытанием.

Когда он снова приехал в Париж, она закатила ему грандиозный скандал со слезами, закончившийся, впрочем, нежными объятиями и сердечными признаниями. После чего Эдит заявила:

– Никогда и никуда я больше тебя не отпущу. Тренировки? Тебе нужны эти дурацкие тренировки? Очень хорошо – будем ходить на них вместе!

Ее присутствие у ринга было лишь цветочками. Ее вскрики, когда Сердан получал удар

от спарринг-партнера, он переносил легко. Но Пиаф же заботилась о нем, как о своем мужчине. И терпеть ее заботу было не так просто.

Она вдруг принялась вязать ему свитера и покупать одежду. Яркие, совершенно безвкусные тряпки, стоившие немалых, впрочем, денег. Высмеивать Сердана никто не решался, но он постоянно чувствовал удивленные взгляды в спину. И... соглашался на все. Любовь превратила сильного, упрямого мужчину в покорное, мягкое существо. И он, как ни удивительно, был только рад этим переменам...

Из Америки пришел очередной вызов. Сердана ждали в спортивном лагере Лок-Шелдрейк. Нужно было начинать подготовку к главному бою за чемпионский титул.

Пиаф предложили совершить еще одно гастрольное турне по США.

жизни Эдит Пиаф. 2007 год.

Кадр из фильма «Жизнь в розовом цвете» о

56. На нелегальном положении

Их разлучало время. Сердан должен был прибыть в Америку на две недели раньше, чем Пиаф. Но не это было главным препятствием. Согласно правилам федерации бокса претендент на звание чемпиона мира должен был провести в спортивном лагере две недели, питаясь строго по диете и ограничивая себя во всем, включая и общение с женщинами. Попасть на территорию лагеря в Лок-Шелдрейке Пиаф не могла. Попытка пробраться туда тайком грозила Сердану дисквалификацией. И Эдит понимала, что спорт для него – сама жизнь, а титул чемпиона – великая цель.

И все же после непродолжительных раздумий она заявила:

– Я еду с тобой. Там, где ты, буду и я. Чего бы это нам ни стоило.

В Америку они отправились вместе, на одном самолете. А потом приключилась настоящая детективная история. Пиаф и Сердан вели себя, как два прожженных авантюриста... Нет, как два влюбленных человека, которые не могут и дня друг без друга.

Лагерь Лок-Шелдрейк располагался в 160 километрах от Нью-Йорка. Охрана – как на армейском секретном объекте. Выйти за пределы лагеря разрешалось, но ненадолго. И Сердан этой возможностью воспользовался.

На следующий день после вселения в домик, который лагерь предоставил спортсмену, Сердан выехал за ворота, подобрал на пустынном шоссе поджидавшую его Эдит и вернулся обратно. Охрана быстро осмотрела машину и ничего подозрительного не обнаружила. Еще бы – Эдит пряталась в багажнике!

боксером.

Сердан был блистательным

57. Короткое счастье Эдит и Марселя

Прятать ее в своем домике Сердан не мог, это было слишком опасно. Но рядом пустовало несколько таких же строений. В одном из них и поселилась Эдит.

За закрытыми ставнями, в полутьме, без горячей воды и элементарных удобств она прожила десять дней. И эти дни она называла самыми счастливыми в своей жизни.

После тренировки Марсель приносил ей бутылку с водой и бутерброды, которые мог унести из столовой, рискуя быть разоблаченным. Потом он смотрел, как она ела.

Долгие часы, пролетавшие, как одно мгновение, они любили друг друга. И говорили – обо всем, что приходило в голову. И никак не могли наговориться.

Вопреки устоявшемуся мнению общение с Эдит не только не повредило Сердану, но и привело его в такую форму, в которой он никогда не был ни до, ни после этих волшебных дней. Любовь, бесшабашность, наслаждение ее дыханием, ее маленьким хрупким телом. Это был его допинг, его стимул жить и побеждать.

Спустя десять дней Сердан так же тайно вывез Пиаф из лагеря. В том же багажнике того же автомобиля. Охрана была опять одурочена...

И Пиаф снова пела для Америки. И успех ее был всеобъемлющим, безусловным, обвальным. Ей аплодировали стоя. И она пела, пела своих «Милорда» и «Легионера».

Ее удивительный голос возносился под самые своды – «падам, падам, падам»... Зал рыдал от восторга!

Эдит Пиаф на радио.

58. Чемпион мира

Приближался «день икс» – 21 сентября 1948 года. Именно в этот день на ринг должен был выйти Марсель Сердан и действующий чемпион мира по боксу в среднем весе Тони Заль.

Этого момента Эдит страшилась, как смерти, как конца света. Да, она ходила на тренировки Марселя, но эти удары по его лицу доводили ее до полуобморочного состояния. Она ненавидела бокс! Но... очень любила Марселя Сердана. А бокс и Сердан были неразлучны.

Каждый день в нью-йоркскую квартиру Эдит приносили охапки цветов и множество конвертов с признаниями в любви. Цветы она прижимала к груди, наслаждаясь тонким ароматом роз, а на письма не обращала ровно никакого внимания.

Но письма приходили и Сердану. Много писем. И это были вовсе не признания, а

угрозы. Одни обещали прикончить зарвавшегося француза, если он осмелится выйти на бой с Залем. Другие просто обливали грязью, не прощая ему ни стремительного восхождения на боксерский Олимп, ни любви Эдит Пиаф.

В день матча Эдит отправилась в католическую церковь. Поставила свечку святой Терезе. Молитва Пиаф была незамысловата, но шла от самого сердца.

– Милая Тереза, однажды ты спасла меня от вечной темноты, вернув зрение. Забери мои глаза обратно, но дай победу моему Марселю. Прошу тебя – сжался над нами. И... сбереги его для меня...

В тот знаменательный день мир узнал имя нового чемпиона.

Им стал Марсель Сердан.

Чемпион мира Сердан

обещает побить Ла Мотту.

59. Катастрофа

Нет, их совместная жизнь вовсе не была безоблачной. Эдит ужасно ревновала Сердана и постоянно пыталась крепко-накрепко привязать его к себе. На тренировки она ходить перестала. Наблюдать это избиение оказалось выше ее сил.

– Тренируйся, когда меня нет рядом, – заявила она. – Остальное время ты только мой...

И Сердан каждый день уходил и возвращался. Но отправлялся не на тренировки, а в рестораны и кабаки. У мужчин тоже есть свои маленькие секреты... А ценой стало сокрушительное поражение от Ла Мотты.

Это случилось в июне 1949 года. Отстояв девять раундов, в десятом Сердан оказался на полу. Нокаут. И... тяжелая травма плеча. На восстановление требовались месяцы.

Американские газеты злорадствовали. Французские язвили и высмеивали бывшего

чемпиона, так быстро утратившего титул. И Сердан решил вернуть себе пояс чемпиона на матче-реванше. Бой был назначен на конец октября того же года...

Пиаф сменила все. Она продала старую парижскую квартиру, а вместо нее купила особняк в Булонском лесу, отдав 19 миллионов старых франков – огромные по тем временам деньги. В необъятной гостиной она намеревалась обустроить тренировочный зал для своего Марселя. Пусть занимается дома, рядом с ней.

Ей нужны были деньги. И она снова отправилась на гастроли в Америку. А Сердан – в благотворительное турне по Франции.

А потом произошла эта катастрофа...

Эдит Пиаф пережила все – и страшные трагедии, и небывалый всеобщий триумф.

60. Жизнь продолжается

Пиаф заливала тоску по Марселю алкоголем. Напивалась до бесчувствия. Гнала от себя всех, надевала старое тряпье, превращавшее ее в бездомную старуху, и отправлялась на улицы Парижа. Она пела прохожим – как когда-то в детстве. Ее никто не узнавал.

Потом она приканчивала очередную бутылку и впадала в беспамятство. А наутро просыпалась в своей постели рядом с незнакомым мужчиной, которого тут же прогнала прочь. Мужчины оставляли в прихожей пятьдесят франков...

Она явно опускалась. И долго это продолжаться не могло.

Однажды она совершила немыслимое. Вдруг взяла и купила билет на самолет – до Касабланки. А спустя несколько часов отыскала в незнакомом городе дом Сердана. И увидела, наконец, жену своего возлюбленного – Маринетту.

Две незнакомые женщины стояли друг напротив друга. Их глаза были наполнены слезами. Потом они бросились друг к другу и, рыдая, обнялись.

– Милая, милая Эдит, – лепетала Маринетта.

«Тетья Зизи» и дети Сердана (в кадре три мальчика Сердана и соседская девочка).

А рядом крутились трое пареньков-подростков – все, что оставил после себя Марсель Сердан.

Эдит забрала в Париж всю семью. Маринетта и ее сыновья прожили в новом доме Пиаф несколько месяцев. Дети были очарованы певицей и называли ее тетей Зизи.

Дружба двух женщин, которые при жизни Марселя Сердана ненавидели друг друга, продолжалась долгие годы. Как бы там ни было, но именно Маринетту Эдит называла своей спасительницей...

61. Все прочь!

Влюбленная Пиаф превращалась в настоящего тирана. Она с головой отдавалась охватившей ее страсти, легко раздаривая клятвы и обещания. Но горе было тому мужчине, который принимал сокровенные, истовые признания Эдит за чистую монету.

Она не умела расставаться мирно. Спокойные разрывы, когда недавно еще близкие люди остаются в приятельских отношениях и продолжают заботиться друг о друге, упоминаются лишь в мемуарах самой Эдит Пиаф. На деле все было иначе. Своих бывших возлюбленных Эдит без обиняков гнала прочь, ничуть не заботясь о том, что они чувствуют в этот момент.

«В любви она невыносима», – признавался Ив Монтан. История отношений Пиаф и Сердана убедительное тому подтверждение.

Нет сомнения в том, что останься Сердан жив, их отношения с Пиаф рано или поздно завершились бы крахом. Стараясь привязать его к себе, Эдит ограничивала свободу

Марсея, превращала его в свою игрушку, в своего раба. Сердан приходил в отчаяние, стал пить, но сил сопротивляться этой женщине в себе не находил. Трагическая смерть спасла его от участи других любовников Эдит – быть изгнанным из ее жизни вон, как использованный предмет, как ненужная вещь.

Держись, Эдит...

62. Красавица-дурнушка

В чем же секрет привлекательности Эдит Пиаф как женщины? На этот вопрос невозможно ответить однозначно...

Сказать, что она любила себя и свою внешность, трудно. Скорее напротив, она относилась к себе критически – как говорят, знала свое место. Но и цену себе тоже знала.

Пиаф наслаждалась вниманием мужчин, не могла жить без ухаживаний и преклонения. Каждый новый возлюбленный был ее маленькой победой над злодейкой-судьбой.

Как она выглядела в лучшие свои годы? Невысокого роста, очень худенькая и хрупкая. Формы скорее невыраженные, даже плоские. Фигура мальчишки-подростка, а не женщины.

Некрасивое, в общем-то, лицо. Небольшие круглые глаза, редкие ресницы, вздернутые брови. По внешним краям глаз характерные складки, придающие лицу Пиаф одновременно и удивленное, и трагическое выражение.

Маленькие жилистые руки, которые после сорока поразил артрит. Стройные, но совсем не такие длинные, как хотелось самой Пиаф, ноги. Мало заметная талия, что очень огорчало Эдит... Нет, вовсе не шикарная дива.

Но стоило ей заговорить... Необыкновенно живой, низкий, гортанный голос. Сильный и убедительный. Экспрессивная манера речи. Яркая жестикуляция. Образ дурнушки распался и проявлялись яркие черты красавицы.

Потом она начинала петь. И происходило невообразимое. От бывшего впечатления не оставалось и следа. Перед взором представала Богиня...

Эдит Пиаф. 1945 год.

63. Незабываемый концерт в «Плейель»

В январе 1950 года Эдит Пиаф дала сольный концерт в знаменитом зале «Плейель». На следующий день парижские газеты написали: «Мы услышали песни улиц в храме классической музыки». И тут же крупными буквами: «ТРИУМФ».

Концерт в «Плейель» пятидесятого года (а это было далеко не первое ее выступление здесь) стал одним из наиболее значимых в карьере Пиаф. Эдит только что пережила утрату любимого человека – Марселя Сердана, только что вернулась из Америки – со столь трагически завершившихся гастролей. Сердце ее истекало кровью, чувства были в смятении, а душа тосковала.

Пиаф переживала пик тяжелой депрессии. Она подумывала о самоубийстве и беспробудно пила. Но перед выходом на сцену все отбросила прочь. Остались только музыка, слова и ее душевная боль.

Песни Эдит отозвались в сердцах миллионов людей. Концерт в «Плейель» моментально разошелся отдельными композициями по всем радиостанциям мира. Тиражи пластинок Пиаф достигли небывалых цифр...

В тот день она вышла на сцену пошатываясь. Окинула зал потухшими глазами. Потом запела.

И случилось чудо. Зрители увидели другую Пиаф. Живую, трепещущую, любящую, страдающую.

В этот день Пиаф еще раз подтвердила старую истину – она не просто жила музыкой.

Она и французская песня были неразделимы.

Один из концертов Пиаф.

64. Жить, чтобы умереть...

Жизнь утратила смысл. Она осталась не просто одна. Она осталась один на один со Вселенной...

Впервые в жизни Эдит почувствовала, что рядом нет никого. Друзей, бывших любовников, поклонников она не замечала, словно их не было на свете вовсе. А она была постоянно окружена людьми. Не равнодушными статистами, а теми, кто искренне любил ее и всячески старался помочь.

Но она сама не принимала помощи. Ни от кого. Привыкшая выбираться из всех жизненных невзгод, Эдит полагала, что выкарабкается сама. Но лишь все глубже погружалась в бездну безумия.

Она пила. Пила страшно и безудержно. Вино она запивала дорогим коньяком, а коньяк – абсентом.

Однажды друзья уговорили Эдит дать слово не пить. А она имела обыкновение выполнять свои обещания... И что же она сделала? Заявила, что слово дано в Париже, и, следовательно, в других городах не действует. После чего села на бельгийский экспресс, уехала в Брюссель, где накачала себя спиртным до бесчувствия.

Однажды в пьяном угаре она угодила в психиатрическую лечебницу с диагнозом «белая горячка». Алкогольный кошмар продолжался до конца дней, то угасая, то разгораясь вновь.

Впрочем, вскоре пришла другая, еще более страшная беда – морфий.

Эдит Пиаф на записи песни.

1938 год.

65. И умереть, чтобы снова жить!

А затем были две автокатастрофы. Пиаф сильно разбилась на автомобиле, причем вторая авария случилась тогда, когда Эдит еще не оправилась от первой.

Она угодила в больницу с тяжелейшими травмами. В первой аварии она повредила лицо. Разлетевшиеся осколки лобового стекла оставили на лице глубокие незаживающие раны. Вторая авария закончилась переломом руки и ребер.

И в этот момент Пиаф проявила незаурядное мужество. Она очень тяжело страдала – боли были невыносимыми. Рука срасталась неправильно, кость пришлось ломать и сращивать заново. Нестерпимо болели ребра. Но Пиаф не стонала, не жаловалась, только сжав зубы терпела.

Наблюдать ее страдания было невыносимо даже врачам. И они решились на уколы морфия. В результате из больницы вышла Пиаф-наркоманка...

Чтобы убрать с лица шрамы и рубцы, оставшиеся после автокатастрофы, Эдит принимала курс лицевого массажа. Она полулежала в кресле и, пока врач массировал ее лицо, беззаботно с ним болтала о всякой всячине. Доктор продолжал массаж и вдруг заметил, что его руки стали розовыми от крови, а затем и багрово-красными. Он остановился и сказал:

- То, что я делаю с вами, ужасно. Вам надо отдохнуть.
- Продолжайте, доктор, – ответила Пиаф, – я умею не замечать физическую боль. Она презирала страдания. Относилась к ним так, словно их не существовало.

Кадр из фильма «Жизнь в розовом цвете». 2007 год.

66. Морфий

После невыносимой боли наступило время наркотического бреда.

Каждый наркоман приходит к зависимости своим путем. Путь Пиаф пролегал через физические и моральные страдания. Морфий дал ей иллюзию беспамьяства, позволил забыть и боль утраты Марселя, и свое невыносимое одиночество... Но при этом она никогда не была одна!

Кости срослись и уже не болели. Но навалилась другая мучительная напасть – артрит. Лекарство от боли она уже знала – морфий.

Болезнь быстро прогрессировала. Пиаф уже не узнавала близких, гнала всех прочь и

постоянно увеличивала дозу. Один раз после приема особо большой порции наркотика она обезумела. Шагнула к распахнутому окну...

Что было в ее бедной голове в тот момент? Какие виделись картины? Может, она хотела взлететь, как настоящий воробей, имя которого носила полжизни? Может, у нее возникла мысль покончить все разом и окончательно освободиться от преследовавших ее бед?

В последний момент ее остановила подруга Маргерит Моно. Пиаф осталась жива... И наступило просветление. И Эдит сказала себе: хватит. От наркотической зависимости надо избавиться любой ценой. Она должна пройти этот путь до самого конца.

Пиаф собрала волю в кулак и отправилась в психиатрическую клинику, чтобы навсегда прервать это падение в зловещую бездну.

Концерт Эдит Пиаф в концертном зале «Олимпия». Париж. 1960 год.

67. В полушаге от бездны

Морфий, как и любой сильнодействующий наркотик, действует наверняка – лишая человека рассудка и воли...

Тот трагический день Маргерит Моно не забудет до конца своих дней.

Пиаф лежала в забытии на кушетке. Рука ее с исколотыми венами бессильно свесилась на пол. Маргерит хлопотала на кухне – решила сварить бульон, чтобы напоить Эдит горячей жидкостью, привести ее в чувство и хотя бы чем-нибудь покормить. Пиаф третьи сутки ничего не ела, только пила и принимала морфий.

Внезапно Моно услышала звон распахнувшегося окна. Встревоженная, она бросилась в комнату, где в беспамятстве лежала Эдит.

Но Пиаф была на ногах. Ее шатало из стороны в сторону. Она раскинула руки и, запрокинув голову, хрипло засмеялась. Ее речь было трудно разобрать. Из горла неслась полупесня, полумонолог.

– О, Марсель! – разобрала, наконец, Моно. – Это ты, любимый. Я знаю, это ты... Почему ты сердишься? Не сердись. Я немного пьяна, но не настолько, чтобы ты разлюбил меня. Ведь ты же меня не разлюбил? – И Эдит снова расхохоталась.

Рождение новой песни Эдит.

– Эдит! – испуганно закричала Маргерит.

Но Пиаф не обращала на нее никакого внимания. Она медленно, пошатываясь, направилась к распахнутому окну.

Ветер вытянул шторы наружу и полоскал их, словно темные траурные знамена. Внизу шумела парижская улица. Сигналили автомобили. Слышался невнятный гомон толпы прохожих.

– Я иду к тебе! – воскликнула Пиаф. – Мы будем вместе, Марсель!

Моно бросилась к певице. На ходу споткнулась, едва не упала. Но все же ухватила ее за руку и развернула.

Пиаф выругалась. А Маргерит, рыдая, обняла ее и прижала к груди...

– Что со мной? – спросила Пиаф сутки спустя, уже находясь в больничной палате.

– Все хорошо, все хорошо, – успокоил ее доктор, а сам подумал: «Ты всего лишь едва не убила себя».

68. На больничной койке

Даже в наши дни, когда изобретены чудодейственные лекарства, избавление от наркотической зависимости занимает годы и проходит очень тяжело. А в те времена лечение было одно – полная изоляция.

Суть лечения заключалась в том, что пациента помещали в комнату с зарешеченными окнами и регулярно вкалывали наркотик, постепенно уменьшая дозу. Когда инъекции прекращались, начинались муки ломки. Пациента привязывали ремнями к кровати, дожидаясь окончания ломки.

Такому «лечению» и подверглась бедная Эдит. Невозможно даже представить, что ей пришлось пережить за больничными стенами. Однако она мужественно прошла полный курс и вернулась домой здоровым человеком...

Здоровым ли? Спустя короткое время она снова взяла в руки шприц. И все повторилось – наркотическое безумие, желание выздороветь, добровольный путь в больницу.

Второго курса она перенести не смогла – сбежала домой. И... снова вернулась в больницу.

Эдит должна была жить и петь. Петь и жить, а не погружаться в тяжелое наркотическое небытие! Она так решила. И морфий все же победила...

Это был один из самых тяжелых периодов жизни великой певицы. Она еще не знала, что уготовано ей судьбой в будущем... А если бы знала – поберегла бы себя? Нет, вряд ли.

Эдит в больнице. 1969 год.

69. Жизнь слишком длинна

Пять лет Эдит Пиаф состояла в законном браке с Жаком Пиллсом. Человек бесцветный и ничем не выдающийся, он был нужен Пиаф только затем, чтобы вытеснить из памяти

образ Марсея Сердана. Ей нужно было забыть «марокканского бомбардира». Иначе она бы просто не выжила...

Но сравнения с черноволосым африканцем французского происхождения неприметный Пиллс не выдерживал. Это были несопоставимые фигуры. Сказать, что брак с Пиллсом не принес Пиаф ни любви, ни счастья – не сказать ничего. По сути, она этого союза попросту не заметила.

Эту неудачу переживали близкие друзья Пиаф и, прежде всего, Марлен Дитрих. Злые языки утверждали, что Эдит и Марлен связывало больше, чем женская дружба. Но, скорее всего, это были пустые сплетни. Разбитой, больной Пиаф было не до подобных забав. Какая уж тут любовь?

Но именно любовь спасла ее в последний раз, вытащила из многолетней депрессии, убивавшей певицу. Любовь к последнему мужчине в ее короткой жизни – к Тео Сарапо...

В конце пятидесятых годов прошлого столетия Эдит угасала. Нет, с ее дивным талантом ничего не произошло. Она по-прежнему пела, покоря сердца миллионов слушателей по всему миру. Но жила только на сцене, а остальное – доживала.

Чтобы избавиться от беспредельного одиночества, ей надо было забыть Марсея Сердана.

Она его забыла.

С Жаком Пилсом (справа).

70. Жан Маре

В 1954 году Эдит Пиаф на некоторое время вернулась в кино. Она сыграла главную героиню в фильме «Если мне расскажут о Версале» (другое название «Тайны Версаля»). Ее партнером стал сам Жан Маре, популярнейший французский киноактер, играющий роли героев-любовников.

Жан Маре был необыкновенно красивым и сильным человеком. Он снимался в приключенческих фильмах, выполнял все трюки сам, без помощи каскадеров. Он отлично фехтовал, ездил верхом, мастерски управлял автомобилем (на самом деле еле водил, автомобиль ему не давался).

Публика судачила о его любовных связях – наблюдая на экранах Маре и красивейших женщин в его объятиях. Ирония состояла в том, что Жан Маре предпочитал отношения иного рода. Женщины его интересовали постольку поскольку...

Маре вспоминал недели, проведенные с Пиаф на съемочной площадке, как очень интересное и волнующее время. Он прекрасно понимал масштаб дарования этой женщины. Как и большинство французов, он преклонялся перед ее голосом.

Жан Маре был не только актером, но и выдающимся скульптором. Его талант оценил Пикассо, который, увидев ранние работы Жана Маре, посетовал на то, что тот «занимается ерундой» вместо того, чтобы полностью отдаться скульптуре.

Жан Маре.

71. Концерты в «Олимпии»

Работа в кино с Жаном Маре стала лишь очередным эпизодом в биографии Эдит Пиаф, подтвердив разносторонность ее дарования. Ее главной наградой стали горячий интерес французских зрителей и дружба с выдающимся актером, каким, вне сомнений, был Маре.

Настоящим же событием мирового масштаба стала серия концертов Пиаф в парижском зале «Олимпия» и последующее многомесечное турне по Америке и Франции.

В 1958 году Эдит Пиаф впервые вышла на сцену только что выстроенного камерного концертного зала «Олимпия». Зал был небольшим, всего на 500 мест. Но очень быстро превратился в элитную площадку для звезд эстрады. На сцене «Олимпии» также впервые появился Жильбер Беко – которого моментально прозвали «Мсье 100 000 вольт». Позже выступали Шарль Азнавур и Джонни Холлидей.

Дав несколько концертов, Пиаф снова прочла в газетах восторженные отклики. И этим признаниям невозможно было не верить. Зал взрывался аплодисментами после каждой песни Пиаф. Зрители вставали, плакали, обнимались. Это было похоже на акт прощения, акт всеобщей любви. Песни Эдит Пиаф действовали на людей как любовный эликсир и как святая проповедь.

Потом было одиннадцатимесячное путешествие по Америке... Возможно, ни один француз, ни до, ни после Пиаф, не сделал для своей страны столько, сколько сделала для Франции Эдит.

любовный эликсир.

Песни Пиаф действовали на людей как

72. Эдит, мы тебя любим!

Судьба ничего не дарит просто так. Всему есть своя цена. Ценой страданий Эдит Пиаф было всеобщее обожание и преклонение.

Она давно не могла просто так ходить по Парижу – ее все узнавали. А узнав, старались приблизиться и высказать те сердечные признания, которые побуждала в душах слушателей ее музыка.

Ее узнавали полицейские и останавливали автомобиль, чтобы преподнести гвоздику или розу.

Ее узнавали в магазинах, предлагая в подарок любые товары и напрочь отказываясь брать деньги.

Ее узнавали в салонах самолетов, в модных бутиках, повсюду, где бы она ни появлялась.

Ее узнавали даже в Нью-Йорке, где никто никого не узнает, потому что жители «Большого Яблока» давно разучились удивляться...

И она была счастлива. Именно этого она и добивалась всю жизнь – любви публики, любви простых людей, мужчин и женщин. Именно для них она пела свои песни, воспринимавшиеся как гимн человеческой, земной любви.

Эта женщина купалась в лучах славы. Ее окружала любовь... Удивительно ли, что вскоре к ней пришло настоящее чувство? Как подарок в конце жизни. Как компенсация за перенесенные беды. Как награда за ее щедрый блистательный дар.

Но до момента той Главной Встречи нужно было еще дожить. И Пиаф изматывала себя бесчисленными выступлениями, словно торопилась спеть все, что должна была спеть в этой жизни.

Ценой страданий Эдит Пиаф было всеобщее обожание и преклонение.

73. Последняя встреча

В октябре 1961 года Эдит Пиаф исполнилось 46 лет.

Она чувствовала себя неважно и со дня на день собиралась посетить больницу, чтобы узнать результаты консилиума. Но концерты, дела, встречи – она совершенно закрутилась и визит к докторам отложила на потом.

В ежедневной суете она тем не менее ни на минуту не забывала о том, что обязана хорошо выглядеть. Ей уже изрядно надоели полные сочувствия газетные статьи о ее недугах. Она не желала быть старой развалиной, которую все только и делают, что

жалеют. Пиаф терпеть не могла жалости по отношению к себе. Еще чего!

Она пригласила на дом парикма*сensored*a – уложить упрямые волосы и сделать макияж. Когда тот пришел, устроилась в кресле и стала ждать. Наступила странная пауза. Эдит сидела в кресле и смотрела в зеркало. Ничего, конечно, хорошего. Еле заметные (но все же заметные) шрамики на лице. Седеющие кудри. Какие-то пустые глаза. Опущенные уголки рта... Нельзя так, Эдит. Тебе еще не сто лет, а всего-то сорок шесть...

Эдит и Теофанис. Франция.

Начало 1960-х годов.

Она в нетерпении скосила глаза в сторону. И увидела, что рядом с креслом на коленях стоит молодой человек. Эдит вскочила и бросилась к нему.

– Какие глупости... Кто ты?

– Теофанис Ламбукис.

– Какое странное имя... А почему ты стоишь на коленях?

– Потому что я вас люблю.

Это был красивый молодой человек лет двадцати пяти или чуть старше. Темноволосый, с тонкими чертами лица. Красивый как греческий бог.

74. Приговор

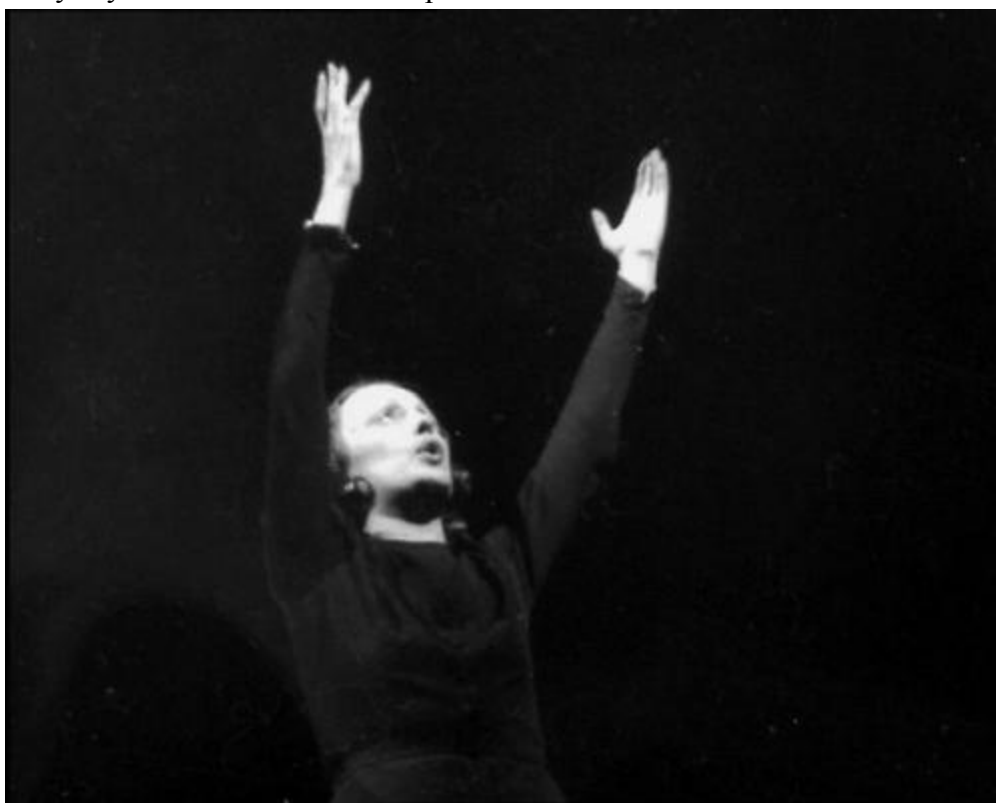
Он был на двадцать лет моложе ее. Но когда они впервые появились на публике вместе, впечатление было таково, что идут даже не мать с сыном, а бабушка с внуком. В 46 лет Эдит выглядела лет на 15 старше своего возраста...

Спустя всего несколько дней после той встречи, она узнала приговор врачей – неизлечимая форма рака. Жизнь подходила к концу. Впереди Пиаф ждали только еще более непереносимые страдания.

Но именно сейчас к ней вернулся вкус к жизни. Да, она хотела жить. Жить ради этого влюбленного мальчика. И дело было не в том, что он ее любил. Ее любил едва ли ни весь мир, его мужская половина – точно. Дело было в том, что она влюбилась сама. Решительно, бесповоротно, с первого взгляда. Влюбилась тогда, когда было уже поздно любить. Когда на страсть не осталось сил, а на любовь – жизни. Когда был запущен обратный отсчет. Когда она должна была умереть, оставив все – и музыку, и публику, и этого трогательного мальчика с причудливым именем.

Чуда не произошло. Приговор врачей и надломил ее, и придал сил. Да, все кончено. Но впереди еще несколько месяцев жизни. И она возьмет от нее все, что сможет. И все, что сможет, отдаст. И этому милому Теофанису. И всем тем, кто ее так любит.

Любовь в очередной раз спасла Эдит Пиаф. Правда, ненадолго. Но каждый день, каждая минута ускользающей жизни принадлежали ей всецело.

Кадр из

телевизионной записи последнего концерта Пиаф.

75. Вы сильный человек, Эдит

– Я не верю, – сказал Пиаф, выслушав пожилого доктора Пелье. – Этого не может быть.
– Эдит, это не мое мнение. Это мнение консилиума, – ответил доктор после минутной паузы.

Пиаф задумалась. Доктору показалось, что она плачет. Но, присмотревшись, он увидел, что ее глаза сухи.

Пиаф устало улыбнулась.

– Ладно, я вам верю. Вы хороший врач, Пелье. И все эти профессора... тоже хорошие врачи.

– Мы сделаем все, что в наших силах, Эдит. И вам стоит себя поберечь. Отмените все выступления.

– Отменить? – Пиаф подняла голову и посмотрела прямо в глаза Пелье. – А что мне осталось, кроме выступлений? Восемь месяцев жизни?

– Вы можете прожить дольше. Скажем, год... Но болезнь непредсказуема. Все может закончиться и завтра.

– Я пока не тороплюсь, – с грустной усмешкой ответила Пиаф.

Пиаф и Тео. 1960-е годы.

– И все же оставьте сцену. Вам нужен покой. Сосредоточьтесь на вашем здоровье.

– А разве не поздно – сосредотачиваться на здоровье?

Пелье промолчал. А что он мог ей ответить? Он, вообще, жалел о том, что они все рассказали ей в глаза, лишив, хоть и иллюзорной, но надежды. Он даже не знал, как бы повел себя сам, окажись он на месте этой несчастной женщины.

– Не буду больше вас мучить, – сказала Пиаф, поднимаясь.

Она подошла к двери кабинета Пелье. И тут доктор сказал:

– Эдит, вы удивительно сильный человек...

76. Сопровивляйся!

– Мальчик мой, Тео, ты должен знать – я скоро умру.

– Все мы когда-нибудь умрем.

– Мне осталось недолго. Врачи говорят, месяцев восемь.

– Не верь врачам, Эдит.

– Это лучшие врачи Франции. И я им верю...

– Что я слышу, воробышек? Я тебя не узнаю... Где упрямая Пиаф? Где сильная Пиаф?

Где любящая Пиаф?

– Я совсем старая, Тео. Я чувствую себя больной и разбитой.

– Ты удивительно молода. И ты победишь свою болезнь. Я верю в тебя. И я тебя люблю...

– Чудес не бывает, малыш. Я должна умереть.

– Прекрати... Ты не умрешь. Не сейчас, не через восемь месяцев и не через год. Ты не сможешь. Рядом с тобой я.

– Не смогу? Что ты говоришь? Разве остановить смерть в наших силах?

– А разве нет? Смерти, воробышек, вообще, не существует. Мы не можем ее ощутить, не можем понять. Значит, ее нет вообще.

Любовь сильнее смерти.

После вердикта врачей Эдит прожила еще два года.

- Если бы так. Ты говоришь это, потому что молод и здоров.
- Я говорю это, потому что люблю тебя больше жизни. Я готов ради тебя на все.
- Даже на страдания?
- О каких страданиях речь, Эдит? Быть рядом с тобой для меня счастье.
- Знаешь, о чем я жалею больше всего? Что это не произошло пять лет назад. А сейчас уже поздно... Слишком поздно, Тео!
- Слушай, воробышек. Не зли меня. Не падай духом. Сопrotивляйся!
- Хорошо. Как скажешь. Я буду... сопротивляться...

77. Я назову тебя Тео

Пиаф решила сделать из Теофаниса Ламбукиса эстрадную звезду и придумала ему сценическое имя – Тео Сарапо (по-гречески «я тебя люблю»). Парень и в самом деле был талантлив. Обладал хотя и не слишком ярким, но все же вполне приличным голосом.

Сын греческих эмигрантов, Теофанис с детства боготворил Пиаф. И однажды, еще в

ранней молодости, пообещал друзьям, что женится на Эдит. Друзья его высмеяли, но Теофанис сдержал свое слово.

Судя по воспоминаниям современников и по самим делам Теофаниса, молодой грек был глубоко порядочным и преданным человеком. Он действительно любил Пиаф всем сердцем. Ухаживал за ней в моменты приступов болезни, отвлекал от тяжелых раздумий. Когда ей было плохо, но надо было выходить на сцену (а Пиаф не признавала ни одной причины отказаться от концерта, кроме внезапной смерти), Теофанис выводил ее, а то и выносил на руках.

Он терпел все – ее приступы отчаяния и беспричинного веселья, когда Эдит напивалась до бесчувствия и уже не контролировала себя. Он почти никуда не отлучался, ловил каждое ее слово. Он вел себя так, словно в Эдит для него сосредоточился смысл всей жизни. Скорее всего, так оно и было.

Друзья Эдит отнеслись к появлению Теофаниса настороженно. А парижские газеты вылили на молодого человека ушаты грязи. С точки зрения газетчиков, о любви здесь говорить не приходилось.

С Тео Сарапо. 1960-е годы.

78. Предостережение

Однажды Эдит позвонил Ив Монтан. Он попросил ее о встрече, и Пиаф пригласила певца к себе.

Монтан устроился в кресле рядом с диваном, на котором лежала Пиаф. Сидеть ей было уже трудно, и она старалась лишний раз не подниматься.

– Эдит, ходят слухи... – начал он.

Пиаф улыбнулась.

– О том, что юноша по имени Теофанис Ламбукис втерся ко мне в доверие, чтобы

заполучить все мои деньги?

– Ну... можно сказать и так, – смутился Ив.

– А я согласна и на это. Что мне еще осталось? Только любовь этого мальчика и сочувствие друзей. Я больна, Ив. Очень больна. Врачи говорят, что не доживу до следующего Рождества.

Монтан смотрел на нее, и лицо его все больше темнело, а взгляд тускнел.

– Пусть все достанется ему... Но, поверь, это только песни. Я не хочу оправдываться перед тобой, Ив. Не хочу что-либо доказывать. Но, поверь, после меня Тео получит только память об этой любви... И это меня ранит больше всего. Если бы знала, копила бы, а не тратила. Для него.

С Ивом Монтаном.

79. Все ради тебя

Тео появился на пороге комнаты, где лежала уже одетая Пиаф. Наступило время второго завтрака. Он опустился на колени перед диваном. Поднос поставил на пол – прямо на мохнатый ковер, который некогда подарила Пиаф Маринетта Сердан... В доме было много вещей, напоминавших о прошлом. И Тео об этом знал.

– Я не хочу есть, – устало сказала Пиаф. – Мне больно есть, малыш.

– Ты должна, Эдит. Ради меня. Прошу... Это была старая уловка, которая неизменно срабатывала. Если Эдит наотрез отказывалась, лицо Тео выражало столь неподдельное, искреннее страдание, что она тут же сдавалась.

Она проглотила ложку бульона и поморщилась.

– Невкусно? – встревожился Тео.

– Нет, что ты. Дело вовсе не в этом. Вкусно, очень вкусно.

У парня в самом деле были воистину золотые руки. Готовил он превосходно. И даже прогнал кухарку – чтобы управляться на кухне самому...

На сцене Эдит и Тео.

Внезапно он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Это произошло в тот момент, когда Пиаф допила, наконец, свой бульон и съела маленькую горячую булочку с маслом. Тео рассмеялся. А потом обернулся.

В дверях, за шторой, стоял человек с печальными глазами. На немой вопрос Тео он сказал:

- Я Ив Монтан. Я пришел извиниться перед тобой, Тео.
- За что?
- За то, что плохо подумал о тебе.

80. Ветер в лицо

Он увозил ее прочь из Парижа. В лес, к реке, в поля. Пиаф вдыхала запах нагретой солнцем травы, наслаждалась солнцем. Тео бежал вдоль реки, раскинув руки и поднимая пятками тучу брызг. С криком подбегал к ней, падал у кресла, в котором сидела Пиаф, и обнимал ее ноги. Зарывался лицом в исхудавший живот и – целовал это изможденное страданиями тело.

Пиаф обнимала его голову, перебирала пальцами его жесткие непослушные волосы.

– Почему ты плачешь? – с тревогой спрашивал Тео.

– Плачу? Разве? Я счастлива, мой мальчик. Как же я счастлива, – улыбалась Пиаф сквозь слезы...

После этих прогулок ей становилось хуже. Но она не признавалась Тео, что выезды за город изматывают ее. Она терпела и даже ждала каждого такого дня. Пусть ей будет потом плохо. Но ради этих блаженных часов она готова вытерпеть все.

А еще они собирали друзей. Дом наполнялся людьми. И Пиаф смеялась:

– Тео, ты сейчас в неплохой компании моих бывших возлюбленных.

На что кто-то обязательно откликнулся: – И если бы только ты знал, малыш, как мы тебе завидуем!

Эта маленькая ложь веселила Эдит. Тео хмурился, но недолго – лишь несколько минут. На самом деле ему нравилось быть в компании этих знаменитых людей. Несмотря на их таланты и заслуги, Эдит выбрала из них именно его.

Прогулка с любимым.

81. Весь мир у моих ног

Несмотря на тяжкий недуг, Пиаф продолжала давать концерты. Именно это и еще, вероятно, любовь к Тео, продлили ей жизнь. После вердикта врачей Эдит прожила не

восемь месяцев и даже не год, а почти два года.

Еще в 1960-м году Пиаф выходила на сцену «Олимпии» 12 недель подряд. Ее последние песни были записаны и разошлись в миллионах пластинок. Но для самой Пиаф это была изматывающая и очень тяжелая работа.

Она уже не предпринимала попыток сыграть в кино или в театре. Последним, восьмым по счету, фильмом стала лента «Любовники завтрашнего дня» 1959 года. Право, пророческое название – в отношении судьбы самой Эдит Пиаф.

Выступление следовало за выступлением. Она выходила на сцену даже если была не в силах передвигать ноги. Не уходила за кулисы, пока не падала в обморок. И пела, пела, пела.

Зачем она это делала? Может, это была та соломинка, которая удерживала ее на плаву? Песни и любовь Тео. И друзья, к которым она в конце жизни относилась с особой нежностью.

Венчание с Тео в греческой ортодоксальной церкви. 1962 год.

Венчание с Тео в греческой ортодоксальной

25 сентября 1962 года Пиаф взошла на Эйфелеву башню и спела со смотровой площадки свои самые известные песни: «Нет, я ни о чем не жалею», «Толпа», «Милорд», «Ты не слышишь», «Право любить».

Незатихающий, шумный Париж потрясенно замер. И голос Эдит Пиаф услышала вся планета.

82. Эйфелева башня

Это был непростой для нее день. Она еще справлялась со своей болезнью, хотя уже пережила назначенный врачами срок. На смотровую площадку ее доставили подъемником. Рядом неотступно был Тео Сарапо.

Праздновали премьеру фильма «Самый длинный день». Но все знали: это лишь повод. 25 сентября 1962 года парижане пришли к подножию Эйфелевой башни услышать ее голос – голос Эдит Пиаф...

Ветер растрепал ее волосы. Эдит подошла к краю площадки и ухватилась руками за перила. Толпа задравших головы зрителей взволнованно всколыхнулась.

Кто-то из молодых журналистов сказал:

– Смотрите, этот мальчишка снова рядом. Прилип – не оторвешь.

Но его слова утонули в возгласах толпы. Люди даже не закричали, они выдохнули: «Эди-и-ит!»

Заиграла музыка. Через репродукторы звуки разнеслись по площади, отдаваясь эхом. А потом вступила она.

Ее сильный низкий голос, который невозможно описать словами, запел те самые песни, которые более трех десятилетий подхватывала вся Франция.

свой брак. 1962 год.

Пиаф и Сарапо регистрируют

Она не стояла – летела над Парижем. Она уносилась под облака и спускалась к своей

публике. Она любила их всех, даже недоброжелателей. И они в этот момент любили ее – даже недоброжелатели.

Тот репортер, что только что надсмехался над Тео, смотрел на Пиаф, вслушиваясь в эти чарующие звуки. И слезы катились по его щекам.

Если бы он мог, если бы судьба сжалилась над ним, то он бы стоял сейчас рядом – там, где стоит этот грек Сарапо.

Но рядом с Пиаф стоял только Тео.

83. Я всю жизнь ждала тебя

Она боролась за свою жизнь до последнего дня. Операция за операцией, многочисленные болезненные процедуры, бесчисленные консилиумы. Пиаф переносила все стойко и мужественно. И всегда рядом с ней был ее юный Тео.

Он спал прямо в палате, где лежала Пиаф. Был готов выполнить любое ее желание, любой каприз. В дни просветления, когда в сердце Эдит вновь возрождалась надежда, они выходили на сцену вдвоем и репетировали. Она была уверена: труд и упорство принесут свои плоды. У Тео Сарапо есть талант. Надо его только развить.

Она выходила на сцену вместе с возлюбленным и представляла его публике. И публика верила Эдит. Раз Пиаф говорит, что это превосходно, значит, это превосходно. Тео всегда получал свою долю оваций, в которых было, конечно, только уважение к его знаменитой подруге – к Эдит Пиаф.

Тео Сарапо был терпелив и старателен. Он много выступал на радио, в концертах, раздавал интервью. И всегда говорил только о своей любви к Эдит, не обращая внимания на выпады газетчиков, называющих его альфонсом.

Их трогательный танец.

Его без конца спрашивали: что с ней, как она себя чувствует, скоро ли поправится. И он отвечал: скоро, очень скоро. Надо лишь верить и надеяться...

За год до ее кончины Тео и Эдит стали законными супругами.

Однажды Пиаф сказала:

– Я всю жизнь любила Марселя Сердана, а ждала Тео Сарапо.

84. Если так считает Пиаф

Со временем идея вывести Тео на сцену стала для Эдит маниакальной. Пиаф заставляла его заниматься целыми днями. На репетициях с оркестром или без, под аккомпанемент пианиста или вовсе без аккомпанемента, но Сарапо пел одни и те же песни десятки раз, стараясь следовать указаниям Эдит.

Однажды на репетиции известный в те годы дирижер, человек заслуженный и много сделавший для французского искусства, не выдержал и пробурчал:

– У этого парня голос петуха. Ничего у него не выйдет.

Пиаф услышала. Она поднялась с кресла, на котором сидела, подавая уточняющие реплики стоявшему на сцене Тео. Подошла к оркестровой яме. И негромко произнесла:

– Вам не нравится мой голос?

Дирижер опешил.

– Нет, нет, Эдит, ваш голос мне очень нравится. Вы поете прекрасно.

– Вы считаете, что я ничего не понимаю в музыке, что я глупа?

– Ничего подобного! Вы уникальный музыкант.

На репетиции с Тео

(слева).

Дирижер не знал, как себя вести и что сказать. Его охватила паника.

– Вы не уважаете меня?

– Я преклоняюсь перед вами, – ответил он и в подтверждение склонил голову.

– Так какого черта вы суетесь со своим дурацким мнением?! – закричала Пиаф. – У Тео Сарапо замечательный голос и отличные данные!

– Да, да, конечно, – смутился дирижер. – Я ошибся. Простите, ради бога.

Больше он Тео Сарапо критиковать не осмеливался, так же как и никто другой...

85. Последний концерт

18 марта 1963 года Эдит Пиаф в последний раз вышла на сцену. Этот концерт был снят на кинолентку. Именно его мы чаще всего видим в телевизионных программах, посвященных певице.

Вспомним эти кадры.

На сцене пожилая женщина, которой на вид скорее лет шестьдесят, чем сорок семь.

Хрупкая фигурка в черном платье. Спокойное лицо. Тонкие слабые руки. Грустные глаза. И – бесконечно прекрасный, звенящий, молодой и сильный голос...

Такого голоса никогда не было до нее и никогда не будет после. Природа никогда не повторяется. То, что появилось однажды, больше не появляется. Может возникнуть нечто похожее, но совсем иное. А того, уникального, больше нет.

В этом смысле мы все уникальны. И без каждого из нас жизнь становится неполной... Но дело в том, что без такого голоса, без такой личности, как Эдит Пиаф, жизнь становится попросту невозможной.

Она пела о любви, о своей жизни, о несбывшихся надеждах. О безвестном легионере, которому подарила свою любовь. О мужчине, которого называла своим господином. Она смеялась и плакала, взывала к Богу и обращалась к людям.

Зал слушал ее, боясь вздохнуть. Точно так же слушаем ее песни и мы – благодаря несчастным телевизионным передачам, радиотрансляциям, старым пластинкам.

Затем зал встал. И устроил Эдит Пиаф пятиминутную овацию.

В тот день еще никто не знал, что она прощалась со сценой.

Кадр из телевизионной записи
последнего концерта Пиаф.

86. Ее последние дни

Ее последние дни – история героического противостояния слабой умирающей женщины и чудовищной болезни. Воспоминания ее близких друзей невозможно перечитывать без душевного трепета.

Она знала, что конец близок. Но звонила друзьям, разговаривала о всяких пустяках, шутила. Ее интересовали только что вышедшие в свет книги, новинки кино, события на

французской эстраде. Она подшучивала и над собой, полагая, что ее положение с определенной точки зрения может выглядеть забавным.

Она не жаловалась на боль. А ее преследовали очень сильные боли. Эдит умирала от рака. А это один из самых мучительных видов смерти.

Тео безумствовал. Он то впадал в возбужденное, радостное состояние, принимая временное облегчение за явные признаки выздоровления. То погружался в глубокую апатию. То заливался слезами отчаяния. То не мог найти себе места, переставляя вещи, бегая по аптекам и магазинам.

Собственно, Тео было тяжелее всех. Его связь с Эдит была не такой длительной, как у ее старых друзей. Но он любил Эдит. Он был ее мужчиной. И друзья Пиаф это понимали.

Последние дни Пиаф провела на больничной койке. Ей нельзя было двигаться. Она лежала на спине и смотрела в потолок. К потолку были прикреплены разноцветные шары – ее последнее развлечение, которому она была искренне рада.

Тот последний концерт. 1963

год.

87. Кончина

Великой французской певицы Эдит Пиаф не стало в полдень 11 октября 1963 года. Спустя три часа умер Жан Кокто.

Франция погрузилась в траур. Улицы Парижа впервые после Второй мировой войны заплакали.

Рыдали все – прохожие, торговки цветами, уличные артисты. Рыдали полицейские и водители такси. Рыдали политики и сильные мира сего. Франция оплакивала своего маленького воробышка – Эдит Пиаф...

Несчастный Тео Сарапо в буквальном смысле слова сошел с ума. Он поднял тело супруги с больничной койки, прижал к груди и не отпускал несколько часов. Он не хотел отдавать ее никому. Уговорить его успокоиться и смириться с потерей стоило больших усилий.

Первые некрологи появились уже в вечерних газетах. Все национальные радио– и телевизионные станции без конца передавали лишь одну новость: Эдит Пиаф больше нет. Парижский уличный воробышек умолк навсегда.

В правительство Франции сплошным потоком стали поступать соболезнования из-за рубежа.

Даже те, кто не понимал или не любил песен Пиаф, осознали, что значила Эдит для этого народа. Позже пришло осознание истинных масштабов трагедии. Оказалось, что Пиаф не только французская певица, но и американская, и русская, и английская. Она была в полном смысле певицей планетарного масштаба. И она ушла...

Последние дни.

88. Оставьте нас наедине

Встревоженный доктор схватил за руку только что подъехавшего в больницу Монтана.

– Вы должны успокоить его, – проговорил он. – Это настоящая истерика. Он заперся в палате и никого не пускает.

Монтан подошел к двери и посмотрел в узенькое окошко. Тео ходил из угла в угол, прижимая к себе бездыханное тело Пиаф.

– Послушай, Тео, – сказал Монтан.

– Подите прочь! – закричал Тео срывающимся голосом. – Я никому ее не отдам! Оставьте нас наедине!

– Тео, это несправедливо. Будь милосерден, – произнес Монтан.

Он боролся с подступившими слезами. Ему было бесконечно жаль этого мальчишку.

– Ты должен позволить увидеть ее и мне. Я тоже любил ее, Тео.

Сарапо угрюмо молчал. Потом сказал:

– Ты лжешь.

– Нет, Тео. Я говорю правду. Я – Ив Монтан. Прошло много лет, но я до сих пор ее люблю... Пустите нас, Тео. Мы хотим ее увидеть.

И Монтан не выдержал, заплакал...

Прощание с Пиаф на

кладбище Пер-Лашез. 1963 год.

Щелкнул замок двери. На пороге палаты стоял бледный, как сама смерть, Тео. Эдит лежала на своей остывшей кровати. Руки ее были сложены на груди.

Ив смотрел на нее, и ноги его не слушались. Эдит Пиаф больше не было. Она... ушла...

Тео обессиленно опустился на пол. Ив присел рядом, обнял его и сказал:

– Ты должен быть сильным, Тео. Рядом с Эдит были только сильные мужчины.

Тео Сарапо кивнул. Его вдруг охватило безразличие. Он понял, что жизнь утратила смысл...

89. Прощай, Эдит, прощай!

При жизни Эдит Пиаф никогда не превращала свои концерты в эстрадное шоу. Она просто пела. То есть говорила со зрителями на доступном всем языке. Общалась напрямую, делясь своими мыслями и чувствами.

Не превратились в шоу и ее похороны. Именно этого более всего опасались ее близкие друзья – трескучих слов, громогласных признаний, траурной мишуры.

Ее похоронили на кладбище Пер-Лашез. За гробом шествовало бесчисленное количество парижан. Люди шли сплошным потоком по толстому ковру из цветов. Удалось лишь приблизительно подсчитать тех, кто собрался на кладбище. Их было свыше сорока тысяч.

Что бы они сказали Эдит тогда, будь у них возможность обратиться к ее упокоившейся душе? Иногда я думаю об этом. И не нахожу нужных слов.

Может быть, вот эти?

«Дорогая Эдит Пиаф! Спасибо тебе за все...»

Скорбящая Франция.

90. Ночное происшествие

Тео Сарапо так и не стал знаменитым певцом. И вообще остался в истории лишь в качестве последнего мужа Эдит Пиаф... Его нечасто приглашали на гастроли, но когда вспоминали о Пиаф, то все же приглашали. Их имена были накрепко связаны в сознании людей.

Однажды Тео мчался в Ниццу, где должен был дать концерт, посвященный памяти Эдит. Он не спал вторые сутки. В глазах стоял туман, в голове шумело. Борясь со сном, он глотнул немного вина. Но вместо бодрости вино лишь добавило утомления.

Сарапо решил остановиться и выпить кофе. Он помнил, что где-то рядом, у заправочной станции, есть небольшое придорожное кафе для водителей-дальнобойщиков. Там он закажет двойной кофе и купит пачку крепких сигарет. «Голуаз» без фильтра, черный табак...

Из темноты вдруг проступил образ Эдит. Ее грустно улыбающееся лицо. Печальные складки вдоль лица – от виска к подбородку. Едва заметные шрамики, которые видел

только он. Следы давнишней авткатастрофы.

Могила Эдит Пиаф на кладбище Пер-Лашез. Париж.

«Было ли ей больно? – подумал он. – Все же могло закончиться прямо на дороге. И я никогда бы не дотронулся до нее».

Эдит тяжело вздохнула... «Потом было больно, Тео. А в этот момент – нет. Я часто сожалела, что этого не произошло. Понимаешь?»

– Мой воробышек, – громко сказал Тео. – Я тоскую без тебя. И все это лишено смысла...

И тут он бросил руль и до отказа вдавил в пол педаль газа.

Тео Сарапо пережил супругу всего на семь лет. Эдит словно предчувствовала его судьбу. Памятуя о трагической кончине Марселя Сердана, она запрещала Тео летать самолетами. И он выполнил ее волю. Но от Судьбы не уйдешь...

Его похоронили в той же могиле. Вместе с Эдит...